

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 34

1984

Юрий ГРИБОВ

**БРЕДЕНЬ
В МЕЛКУЮ ЯЧЕЙКУ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 34

Юрий ГРИБОВ

**БРЕДЕНЬ
В МЕЛКУЮ ЯЧЕЙКУ**

ПОВЕСТЬ И ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Юрий ГРИБОВ

Юрий Тарасович ГРИБОВ родился в 1925 году в селе Бугры Богородского (в настоящее время Дальне-Константиновского) района Горьковской области.

В годы войны работал мотористом на волжских судах «Карелия» и «Якутия», затем добровольно ушел в армию, окончил Энгельское пулеметное училище. На 1-м Белорусском фронте командовал пулеметной ротой, участвовал в форсировании Одера и штурме Берлина. Имеет восемь правительственных наград.

Демобилизовался в 1956 году. Подполковник запаса. Работал в Костроме, в Пскове. В качестве специального корреспондента газет «Правда» и «Советская Россия» много ездил по стране.

В разные годы у него вышли сборники повестей, рассказов и очерков: «Сильнее смерти», «Пора зарниц и облаков», «Сороковой бор», «Тайна старой мельницы», «Рубиновые серьги», «Тихие острова», «Журавлиная стая», «Капель», «Теплые ключи», «Семь домов у Кунь-горы», «Смоленские дороги», «Поездка в Тобурданово», «Ветка ивы», «Высоковские старики», «Перелом лета», «Полковничья роща», «Поклон хлебу», «Контеевские вечера», «Когда встает солнце» и другие.

В настоящий сборник включены очерки и новеллы, написанные за последнее время. Это в основном результат поездок по Российскому Нечерноземью.

Ю. Т. Грибов — секретарь правления Союза писателей РСФСР, главный редактор еженедельника «Неделя».

ПЕРВЫЕ ВЕРСТЫ СИБИРИ

Заросшая кустарником мелководная речушка Ук петляет вблизи старого спиртового завода, и якобы от этих сочетаний само собой родилось у городка название — Заводоуковск. Растянулся город вдоль большака километров на десять, и такое впечатление, что здесь всего одна длинная узкая улица. Да оно так и есть, потому что сразу же за этой улицей, за первыми ее домами начинаются пологие холмы и увалы, поросшие высоким чистым сосняком. В жаркую летнюю пору неподвижный воздух так густо настаивается здесь хвойными ароматами, перемешивается со свежими запахами поспевающих хлебов, укропа и огурцов с ближних грядок, что новые люди, приехав сюда, не могут скрыть удивления и восторга.

— А в Сибири везде хорошо,— говорят местные жители.— У нас-то тут еще только первые версты сибирские, а вот дальше глаз не оторвать...

Помимо асфальтированного большака, проходит через город железнодорожная магистраль. Да не простая, а Транссибирская, самая протяженная в мире. По ночам, в тишине, да и днем тоже на всю округу слышать рокот тяжелых составов. Несутся они один за другим, бесконечно, и, когда поезда не опаздывали, горожане сверяли по ним время: «Иркутский прогремел», «Россия» на восток прошла», «Читинский топает»...

Любовь и гордость за свои места в Сибири как-то особенно заметны. Полноправным заводоуковцем считает себя и Николай Андреевич Чалков, первый секретарь здешнего райкома партии. Почти каждое утро, невысокий, спортивно-подтянутый, выходит он из дому пораньше, чтобы посмотреть на город, подумать и сосредоточиться перед рабочим своим днем. Прохожие пока встречаются редко. Они здороваются с ним. Здороваются каждый по-своему. Один с радостью через улицу крикнет, второй по-старинному шапку приподнимет, а третий просто молча головой кивнет и глаза вниз опустит. Он не всех знает в лицо, а его-то уж все знают в районе: вожак, за все ответственный...

Прилетев в Тюмень, я, конечно же, как и многие, наострил было лыжи куда-нибудь к Харасавею, в Уренгой, на Ямал, в Надым, но

Геннадий Павлович Богомяков, первый секретарь обкома партии, рассказав об уникальном тюменском крае, посоветовал:

— У нас ведь не только газ да нефть, трубы да новые города. Наша область хлебная. Мы сами себя кормим и другим даем. Урожай приличные снимаем, в деревнях народу старательного много, партийные работники Продовольственную программу держат под строгим контролем...

Вот и оказался я вместо знаменитого севера на юге области, в местах самых крестьянских и хлебных. Заводоуковский район — один из них. В прошлом году здесь собрали по тридцать три центнера зерна на круг, сверх плана дали много мяса и молока, столичное знамя получили. И вообще с землей упорно работают, настраивают людей на главное — на большой конечный результат. И некоторые новшества в аграрных делах исходят лично от первого секретаря райкома партии, агронома по образованию. Николай Андреевич Чалков при значительной промышленности, которая есть в Заводоуковске, вопросами сельского хозяйства занимается сам. Это основная ноша района. А козь основная, она и должна лежать на плечах первого секретаря.

Застал я Николая Андреевича в райкоме. Кабинет у него как бы полупустой: никаких показательных снопиков в углу, стеблей кукурузных. Небольшой шкаф с книгами да карта во всю стену. Как раз принесли суточную сводку, и Чалков, хмурясь, впился в нее, что-то, видимо, подчитывал про себя, анализировал. Район в целом по всем показателям идет с плюсом, но вот два колхоза, «Красный Октябрь» и «Сибиряк», немножко молока вчера недодали. А колхоз имени Кирова отстал с вывозкой удобрений. Я хотел спросить о причинах, но Чалков, как бы читая мои мысли, опередил:

— Там получка была — вот она и причина... Один работник выпьет, компрессор не включит вовремя, всю ферму посадит. Что сделаешь? Не изжили пока этот проклятый грех...

Он тяжело вздохнул, как-то весь сжался, снял очки и торопливо стал разрывать пачку с сигаретами. Весь аппарат райкома может не спать сутками, разрабатывая идеологическое обеспечение, разные формы наглядной агитации, но никто не оценит их стараний, если дела в районе будут отставать. Партийная работа, отдача ее всегда должны быть материальны, зрительны. На селе — это хлеб, молоко и мясо. Это планы, качество, перевыполнения. Но как этого достичь? А вот как хочешь, инструкций для райкомовцев нет, особенно для первых секретарей. Они отлично должны знать все виды производства, но агрономам, зоотехникам, конкретным хозяйственникам не уподобляться. У них есть свои рычаги — это кадры, партийные организации на местах, специалисты.

Николай Андреевич говорит о своих районных руководящих товарищах и вообще о людях метко, досконально и уважительно. По

его коротким, но емким характеристикам я представляю и Комольцева, председателя райисполкома, Легезу, который возглавил недавно РАПО, механизатора Кобылкина, секретарей райкома Есионова и Князеву, председателей колхозов и звеньевых. Ум, такт и талант партийного вожака в том и заключаются, чтобы, сколотив вокруг себя толковое, деятельное ядро, стоять как бы в стороне, не давая понять, что все тут только на тебе и держится...

* * *

Даже здесь, в Сибири, весна в этом году началась рано. Третья неделя марта, а уже всюду звенят капли, растеклись лужи на дорогах, летят из-под колес брызги...

Мы едем в колхоз имени Жданова, самый дальний в районе. Там надо менять секретаря партийной организации. Именно сегодня туда Чалков и собирался. Он просто так, лишь бы поглядеть, по хозяйствам не мотается. Первый секретарь мельтешить не должен. Конечно, всегда найдется по пути дело, но лучше уж планово, солидно, с пользой для себя и людей...

Центр ждановского колхоза — село Колесниково. Самая первая поездка у Чалкова, когда избрали его в Заводоуковске первым секретарем, была в это хозяйство. Он узнал, что колхоз этот очень запущен, доведен, как говорится, до ручки. Вот и решил Чалков начать свою новую службу с особо трудной точки. Так его учили опытные партийные работники. Личный пример хорош при любой должности.

А в крестьянских делах Николай Андреевич толк понимает, сам из крестьян. Он здешний, тюменский, из деревни Истошино Бердюжского района. Там и сейчас живет его мать, Домна Михайловна. А отец погиб в сорок втором под Сталинградом. Был он бригадиром в колхозе. Старики его до сих пор помнят: «Андрей Парфеныч-то? Да у него, бывало, земля всегда как пух взбита, выше его по урожаям никто не стоял».

Рос Николай Андреевич вместе со своим братом Анатолием. В войну они оба еще в школе не учились. А как только поокрепли малость, стали работать, как взрослые: прицепщиками были на тракторах, возили сено и картошку, коней пасли в лугах. Анатолий сейчас кандидат сельскохозяйственных наук. А Николай в Свердловске на большом заводе поработал, до начальника цеха дошел, но зов земли перетянул его, — как и брат младший, поступил он в сельхозинститут. И заметили в нем организаторскую хватку, серьезность во всех делах, честность предельную, строгость к себе. Заметили и взяли в райком партии инструктором. Потом послали в Москву, в Высшую партийную школу. И там, на Миусской площади, в скверике, читая в теплые дни учебники на скамейке, он видел свои тюменские края и торопился туда. Шесть лет был первым секретарем в Юргинском районе и вот уже пятый год здесь, в Заводоуковске...

Непростая это должность — быть первым. Чалков от ветеранов знал, что некоторые не выдерживали «испытаний на власть», не обладали душевной зоркостью, попадали в липкие объятия подхалимов и деляг. Ведь в районе все на виду, сотни глаз в упор тебя простреливают, если первый в чем-то дал слабину, выдвинул ловкого болтуна, не заметил и обидел хорошего, скромного человека, слово свое несколько раз не сдержал — вот она и покатилась, определенная слава. В атаку, как говорится, за таким уже не пойдут, на призывы откликнутся формально, без желания и страсти...

Я заметил, что Николай Андреевич умеет слушать. Это очень ценная черта у партийного работника. Видимо, отсюда и идет у него глубина знания людей. Многие жалобы, поступающие в райком, он разбирает лично сам. Сидит, кивает головой, задает короткие вопросы. Чего только не бывает в жизни! И люди, какие они разные! Один пытливо сверлит тебя глазами, ищет трещину, в которую можно было бы сунуть свой шкурный интерес. А второй мнется, слова сказать не может, видно, что только великая нужда заставила его обратиться с жалобой. К таким Чалков потом и сам приходит, чтобы на месте убедиться: помогли ли, сделали ли что надо. Бывает, что какой-то руководитель груб, с утра ходит надутый, никогда не улыбается, всем и всеми недоволен. А есть такие коллективы, где самого начальника, особенно молодого, неопытного, затравят, доконают анонимками, доведут до инфаркта. Заведется небольшая группка во главе с этаким обтекаемым напористым демагогом, вот она и заварилась каша. Не так давно Чалкову пришлось заниматься примерно подобным делом. Нелегко все это дается. Иной раз приходит домой с тяжелым сердцем, все из рук валится. Жена только вздохнет, глядя на него. А что говорить? Она все понимает, сама педагог.

Да, с людьми работать трудно, но зато какая радость на душе, когда удастся перевоспитать человека, когда в тебя верят и идут за тобой...

— Николай Андреевич, — спрашиваю я Чалкова, когда мы остановились у переезда, — а где сложнее было? Здесь или в Юргинском районе?

— Партийная работа везде сейчас усложнилась. Надо искать новые формы. Выросли задачи, повышается и спрос. Хочется добиться того, чтобы все трудились не просто хорошо, а с увлечением, с радостью, творчески. Резервы тут немалые. Осенью хлеб покажет, на что мы способны. А пока поля, вон они, еще только просыпаются...

Пропустив товарняк, мы поехали дальше. Кое-где снегу уже совсем не осталось, земля чернела на сотни метров. И Чалков оживился, показывая рукой, где и что будет посеяно, какую культуру убирали в прошлом году. Меня поражали его тончайшие знания полей, сортов, техники. И о чем бы он ни рассказывал, всегда в центр ставил человека. Вот там Полетаева клин, каждый год под пятьдесят

центнеров пшеницы собирает Александр Михайлович. И площади у него — без малого две тысячи гектаров. А тут участок Георгия Минаевича Маркова. Золотой он мужик, Герой Социалистического Труда, депутат, двух сыновей своих приучил к хлеборобскому делу, у них и звено свое, семейное...

— А вон там, слева, — говорит Чалков, — колки березовые стояли, чахлые такие, небольшие. Они только мешали. Мы их выкорчевали, и поле теперь ровное, любо-дорого поглядеть. Земельку приращиваем помаленьку, гектаров триста уже добавили. Неудобь разная, болотца, топи солончаковые — все отдай сюда...

В районе уже заметили: с какой бы трибуны ни выступал Чалков, о чем бы ни ставил вопрос, а о земле всегда скажет. И медикам, и учителям, и машиностроителям.

Земля — она ведь для всех своя, родная. И для городских и для деревенских. На выполнение Продовольственной программы райком партии все население поднимает. За последние четыре года заводоуправления культуры земледелия повысили заметно. Удобрения теперь вразброс не вносят, а заделывают зерновыми сеялками. Все хозяйства откапались от авиации, свои опрыскиватели сделали. Природу не губят и от погоды не зависят. Семена выбрали лучшие, апробированные, количеством сортов не увлекаются: пшеница — «ронг», овес — «астра», ячмень — «луч». Этой весной и ржи будет только один сорт — «чулпан». И сев пойдет, как и раньше, — потоком, все друг за другом, «без пыли», как здесь говорят. Главное — сохранить влагу, чтобы в начале лета и при суховеях зерно быстро шло в рост, силу набирало...

— Все вроде предусмотрели, — вздыхает Чалков, — но у нас хоть и начало Сибири, а погода сейчас стала такие фортели выкидывать, что не знаешь, как и маневрировать. А маневрировать надо. Хочется в этом году не на одну, а на две ступеньки подняться. Надежды и на РАПО возлагаем, на безнарядные звенья. И, конечно, на всех людей наших. К севу район готов полностью, хоть завтра пускай агрегаты...

За леском показались поля колхоза имени Жданова. А потом и Колесниково — центральная усадьба. Тогда, четыре года назад, Чалков к селу не проехал даже на «газике». Надев резиновые охотничьи сапоги, пошел пешком. На улицах было еще грязнее, чем на дороге. А теперь все тут было заасфальтировано. И всюду виднелись новостройки: пекарня, жилые дома, школа, контора, клуб, спортивный зал, животноводческие комплексы. Довольная улыбка не сходила с губ Николая Андреевича. Какое-то время он был тут как бы вторым председателем: взялся помочь колхозу — доводи дело до конца. Колесниково теперь наступает на пятки передовикам. Нелегко было найти в этот дальний угол руководителя. Пригласился тогда Чалков к председателю «Красного Октября» Предыгеру и уговорил его перебраться в Колесниково. Предыгер — человек серьезный, глубоко партийный. Потом они вместе и другие кадры пообновили, коллектив

сумели настроить. Предыгер прижился здесь. Он немец по национальности, Иоганес Иоганесович. Но зовут его все Иваном Ивановичем. Он привык к этому и, когда протягивает руку для знакомства, так и говорит:

— Предыгер. Иван Иванович...

Появившись в Колесниково, Чалков как-то быстро растворился среди людей. Он был тут как рыба в воде. Я не стал его искать и пошел осматривать село. Дел у секретаря райкома много, во все тонкости его работы на ходу все равно не вникнешь.

А к вечеру, на обратном пути, Чалков, подводя итоги поездки в Колесниково, сказал:

— Толковый парень есть, из местных, один из ведущих коммунистов. Вот его и будем рекомендовать в секретари колхозного парткома. Думаю, что собрание поддержит. Без надежной партийной тяги Предыгеру трудно. Забот у них разных еще лопатой не разгрести...

* * *

В субботу, с утра, прежде чем идти в райком, Николай Андреевич решил немножко покопаться в своем садике. Садик у Чалковых так себе, название одно: малины рядок, кусты смородины, грядки. Но любит Николай Андреевич этот пяточок земли, как и всю свою родную Тюмению. Он и в отпуск последние годы никуда не ездит, а забирается на Армизонские озера, где карасей «пополам с водой». Живет в шалаше, уху варит, бродит по буреломам, и спадают постепенно с души годовая усталость, напряжение, мелочи житейские...

Сегодня ветерок совсем теплый: из Казахстана дует, с юга. Почки на деревьях вот-вот набухнут. Какая-то птичка уселась на ветке и так заливается, смотрит на Чалкова. К вечеру обещал Андрей приехать, сын его, с женой Людмилой. Андрей — в память деда ему такое имя. Андрей агроном, работает здесь же, в этом районе. А Людмила — воспитатель детского сада. Есть у Чалковых еще дочь Елена. Она учится в десятом классе. У Лены домашняя нагрузка — ухаживать за поросенком. Пусть занимается. Они живут в сельской местности и должны иметь хоть какое-то хозяйство...

Убрав лопату, Чалков выходит за калитку. И сразу, уже по привычке, перестраиваются его мысли, входят в деловое русло: заседание бюро райкома перед севом, выступление на свинокомплексе в Новой Заимке, осмотр станка, готовящего бревна для жилых домов, посещение городских магазинов и рынка, беседа с инвалидом войны, поездка в совхоз...

Он идет быстрым шагом, а вокруг него шумит районный городок Заводоуковск, открывающий первые версты Сибири. Полурабочий и полусельский городок, каких немало на бесконечной Транссибирской магистрали.

СЕЛЬСКИЙ ДОКТОР

На голубом небе ни единого облачка, и солнце припекает так сильно, что даже при основательном мартовском морозце всюю капает с крыш, в затишке у сараев греются куры, пьют снежную водичку из чистых сверкающих лужиц. Александр Федорович Щебров, председатель Осокинского сельсовета, с самого утра водит меня по селу, показывает «объекты культурного и хозяйственного значения». Осокино раскинулось вольготное, улицы здесь широкие и в основном новые, при каждом подворье есть сад и палисадник, возвышаются перед окнами разные деревья. И особенно много всюду березок. Стоят они и отдельными рощицами и врассыпную, и как бы еще светлее делается от их радостной, праздничной белизны. Чем-то похоже это Осокино на одно из костромских сел, и я спрашиваю Щеброва:

— А что у вас тут сибирского-то? В чем оно?

Щебров замедляет шаг, смотрит на мои ботинки, вздыхает, покачивая головой:

— В такой-то вот обуви и весной у нас иной раз не попрыгаешь... Как завернет за сорок... А уж о зиме и говорить нечего. Это последние два года отпустило малость, а так Сибирь свое дело знает...

— Ну, а чем знаменито Осокино? Какая слава о вас идет?

— Да не без этого, есть и слава, конечно,— говорит Щебров задумываясь.— Есть кое-что, не хуже мы других-то, во всех сферах имеются показатели...

В Осокине много заслуженных механизаторов, доярок, птичников, и мне казалось, что Щебров специально тянет с ответом, подбирая самую нужную фамилию. Хозяйство здесь крупное, по документам именуется оно госплемптицефабрикой, но все жители и даже калачинская районная газетка «Сибиряк» называют его просто совхозом. Помимо крупных современных птичников, в Осокине много скота, надои молока ежегодно четырехтысячные, урожаи при любом лете в основном устойчивые, высокие, постоянно здесь что-то строят, улучшают, цепко держится в селе молодежь. Целые семейные династии работают на полях и фермах, и казалось, что после своих раздумий Щебров среди осокинских знаменитостей назовет кого-нибудь из производственников, а он, посмотрев на меня с каким-то задиристым вызовом, сказал:

— Доктором наше Осокино знаменито, больницей! Вся округа это знает. Анастасия Христофоровна Корнелаева, она у нас для всех как родная. Заслуженный врач республики, районный депутат. Среди сельской интеллигенции на самом виду. И я прямо скажу, дорогой товарищ: в каждой тонне молока и хлеба есть и ее доля. Улавливаете мою мысль?

Пока мы шли до больницы, Щебров только и говорил о сельской медицине. Он все тут хорошо знает: ведь почти сорок лет беспрерывно

работает председателем сельсовета. Как вернулся с войны, «сшитый в госпиталях из лоскутков», так и не менял должности, сельсовет — вся его жизнь...

Участковая больница в самом центре села. Небольшое такое зданье, с улицы не отличишь от простых домов-пятистенков. Но как только подойдешь поближе, сразу же почувствуешь, что это больница: лекарственные запахи, чистота, порядок. И сама докторша, Анастасия Христофоровна, излучала уют и подчеркнuto медицинскую чистоту. В ее чуть полнеющей фигуре, в плавных жестах, в теплой улыбке было что-то типично докторское, доверительное, успокаивающее...

Заканчивался прием больных. Мы со Щевровым присели в сторонке, у окна. Медсестра привела осокинского тракториста, который кашлял и не мог согнуться: простуда, радикулит. Анастасия Христофоровна осмотрела его, послала на токи Бернара. Минут через десять второй больной заходит. Тоже тракторист, совсем еще молодой парень. Хлюпает носом, глаза слезятся. Когда больного увели на процедуры, Анастасия Христофоровна заправила под белую докторскую шапочку русую прядь и, хмурясь, стала звонить Егоркину, директору совхоза:

— Анатолий Васильевич, я на исполкоме вопрос поставлю! Или за ваш счет больничные листы буду оплачивать. Это же стыд и позор, что здоровые молодые мужики весной простужаются. В мастерских сквозняки, под машинами трактористы лежат прямо на голой земле или на снегу. Когда коврики или маты будут? Инженер еще в прошлом году обещал...

Щевров с довольной улыбкой посматривает на доктора, легонько толкает меня в бок: вот, мол, какая она у нас, за общее дело с любого спросит. А Корнелаева, отпустив медсестру, говорит Щеврову:

— Ну, Александр Федорович, раздайся. Осмотрю и тебя уж заодно, коли зашел, давление измерю...

— Да у меня вроде... Жалоб пока нет, доктор...

— А мне виднее. Жди, когда сам-то пожалуешься...

Анастасия Христофоровна разложила нужные инструменты, подошла к Щеврову. Фронтвики здесь на особом медицинском учете, следит доктор за их здоровьем, особенно за инвалидами, за теми, кто пулями и осколками мечен.

* * *

Многие считают Анастасию Христофоровну своей, осокинской, хотя родом она из Потанина, из другого, дальнего села. Это оттого, что живет она в Осокине уже тридцать лет. И тридцать лет ведаёт участковой больницей. Настоящие интеллигенты всегда так поступали: приехал в деревню лечить людей или учительствовать — так уж на всю жизнь...

Никогда не забыть Анастасии Христофоровне, как добиралась она до Осокина на попутном молоковозе. Село ей тогда не очень-то

приглянулось: уныло как-то, зелени мало, улицы грязные, с разбитой дорожной колеей. Больницу называли больничкой. Это была старая, обшита тесом изба с фанерными перегородками. За одной из перегородок и поселили молодую симпатичную докторшу. Работников в больничке — санитарка да акушерка.

— А лекарства у нас еще на той неделе кончились, — пожаловались они своей новой начальнице. — Было какое-то полосканье от горла в бутылке, так дед Гаврила его давеча выпил...

— Как выпил? — испугалась докторша.

— А так. Жалко, говорит, добро выплескивать. Пополощет горло да и выпьет, побулькает да и проглотит. Вон он, сатана этакая, дрва колет у забора, нам помогает...

Лечились тогда в Осокине в основном баней да калением пяток на печи. Это — полезное народное средство, и Анастасия Христофоровна его не отвергала. А вот исцеление языком «ячменя» на глазу, наговоры и молитвы божьи — за это сильно попадало от нее старухам. Бабки постепенно бросили «медицину», особенно после случая, когда Анастасия Христофоровна вырвала у смерти двухлетнего мальчика, которого лечили «святой водой». Религиозные родители не пускали даже доктора в дом, а когда ребенок был уже совсем плох, посинел и задыхался, сами ночью прибежали: спаси! И двое суток не отходила Анастасия Христофоровна от кровати мальчика, делая все возможное и невозможное, а когда ребенок открыл глаза, мать его упала на колени:

— Доктор, милая ты моя, прости!..

Сейчас в Осокинской больнице работают тридцать медиков, в кабинетах современное оборудование. Медики — это акушерки, медсестры, фельдшеры. А врач по-прежнему только один, доктор Корнелаева, хотя по штату должно быть шесть. Не едут дипломированные врачи в сибирское село, видимо, боятся отдаленности, неудобств. И на плечи Анастасии Христофоровны ложится дополнительная огромная нагрузка. Ведь главный участковый врач — это еще и хозяйственник. Нелегко досталась Корнелаевой новая больница: это завези, то выпроси, это выбей, обменяй, вырви. И самого пробивного доставала инфаркт, пожалуй, хватил бы, а она выдержала. Только муж ее, Алексей Александрович, старший бухгалтер совхоза, знает, как она падала от усталости, накапывала в стакан валерьянки, засыпала прямо за столом. Нет в окрестности ни одной дороги и тропинки, по которой бы она не бегала с медицинской сумкой, не месила грязь резиновыми сапогами. Ее будили ночами, за ней приезжали верхом, на самосвале, на тракторе, переводили за руку по хрустящему тонкому льду. И когда их дочь Людмила собралась поступать в Омский медицинский институт, который ее мать окончила, Алексей Александрович сказал:

— Ну, гляди, Люда... Путь нелегкий выбираешь...

Людмила сама теперь врач, с модной специализацией кардиолога,

частенько приезжает из города в Осокино в гости и, посматривая за чаем на мать, говорит улыбочиво:

— Мам, дай я тебя прослушаю. Что-то вид твой мне не очень...

— Нет уж, товарищ кардиолог! Вот кто меня прослушает, вот кто меня вылечит! — смеется Анастасия Христофоровна и берет на руки Светку, внучку свою любимую, и кружится с ней по комнате...

Корнелаевы теперь живут в просторном доме, и все у них, как у коренных осокинских жителей: сад, огородик, мелкая живность в сарае, пес Трезор, машина «Жигули». Летом, когда бывает свободное время, выезжают они за грибами, за малиной лесной, на рыбалку, на вечерний клев, а чаще всего просто так, чтобы погулять в поле или у реки. Каждый раз Анастасия Христофоровна привозит домой большой букет цветов и ставит его на веранде. В квартире у нее образцовый порядок. Так и должно быть у доктора, у сельского интеллигента. К ней хозяйки заходят, смотрят, берут пример. А чаще она сама во многих семьях бывает, особенно в молодых, и никакой дипломатии не придерживается, если в доме не чисто, не прибрано, мухи роются на кухне. Раньше было, что иные ленивые женщины прямо с крыльца помой выплескивали, не проветривали комнат. Таких доктор при всех стыдила в клубе, на полевом стане, на фермах. Как врач и депутат народный выступает она часто, бывает везде, до всего есть ей дело. За это ее и любят повсюду. Осокино теперь привлекательное зеленое село, и, когда сельсовет хвалит за это, Щебров на заседаниях, обращаясь к Корнелаевой, говорит довольно:

— Анастасия Христофоровна у нас по этой части, дал бы я ей, труженице, премию, да сельсовет средствами не располагает...

— Ты ей лучше путевку на Черное море достань! — кричат депутаты. — А то она всех лечит, а самой-то полечиться некогда...

— Это только Егоркин сможет, директор совхоза. Власть-то, понимаешь, у меня есть, а вот средств по всем сметам — рупь с полтиной...

С руководством совхоза и с парткомом у Корнелаевой самые тесные рабочие отношения. Иной раз может показаться, что она и не врач, а один из заместителей Егоркина. Местные начальники ее даже побаиваются: уж очень вьедливая, глаз больно острый. Особенно за пьяниц «пилит» она директора. А тот еще молодой, в хозяйственных делах способнее нет его, а вот в воспитании, в дисциплине надо помогать ему. Из-за этой проклятой выпивки все беды. Этот трактор перевернул, тот жену избил, с комбайна свалился, подрался с соседом. Корнелаева возглавляет при сельсовете специальную комиссию по борьбе с пьянством и очень многое уже сделала. Зlostных пьяниц она вылечила у себя в больнице. Почти всех. Их немного и было-то, единицы. Лет по восемь — десять они уже в рот не берут. Завидя доктора, за сто шагов снимают шапку:

— Анастасия Христофоровна, голубушка, меду вчера накачал, первый взятку, луговой, принесу баночку...

— Я вот тебе принесу! — шутливо грозит Корнелаева пальцем. — Ты лучше, Ваня, клумбу разбей у дома, георгины посади. У всех на вашей улице есть клумбы, а у тебя нет...

* * *

Встает Анастасия Христофоровна по-крестьянски рано. Она к этому с детства привыкла. В деревне стыдно спать долго при любой должности. Да и приятно пройтись по селу, когда люди спешат на работу. Многих в этот час встретишь, словом перебросишься. Всех она не просто в лицо знает, а как бы «изнутри». Вот эту девчущку-птичицу она в первые секунды ее жизни видела. Ох и горластая была девка, беспокойная, а теперь тихая, застенчивая, лицо как ясное солнышко светится. А вон Саша Пушкарев бежит, рукой машет. Хорошая семья у Пушкаревых. Сам Юрий Иванович выращивает кукурузу. И сыновьям своим, Сергею и Саше, сумел он передать святое чувство к земле, к дому своему родному. После школы оба парня сразу же на трактора сели. И пахали ребята умело и в армии потом служили отлично. Сергей на подводной лодке так отличился, что сам контр-адмирал Юрия Ивановича приглашал, благодарил за сына...

— Доброе утро, доктор!

Это кричит Павел Борисович Шпач. Когда-то Анастасия Христофоровна звала его просто Павликом, температуру ему измеряла. А сейчас он знаменитый человек. На всю область известный. Выучился Павел на младшего зоотехника, стал работать на ферме, круто за наведение порядка взялся. Некоторым дояркам такая «крутизна» не понравилась, стали они шпынять парня: «Ишь какой прыткий выискался, сам попробуй подои, вот и узнаешь, чем молочко-то пахнет». «И попробую!» — сказал тогда Павел и вот уже десять лет доит самую крупную группу коров, занимая ведущие районные и областные места...

Много в Осокине работающих, способных людей, да и весь совхоз на виду, и Анастасия Христофоровна гордится этим. Это ее друзья и товарищи, люди любимые, с которыми она живет и работает...

В больнице доктора встречает фельдшер Галина Васильченко. Она сегодня дежурная, докладывает, как ночь прошла, ведет по палатам. В больнице тридцать пять коек, а лежат сейчас тридцать семь человек. Двое самых легких — в коридоре. Места уже мало, население в Осокине растет быстро, надо хлопотать о пристройке. Помимо Осокина, больница и другие селения обслуживает, и там народ прибывает. Детей много стало. Во всех деревнях.

— У этого больного что-то температура держится, — тихо и тревожно сообщает фельдшер. — Спал он плохо...

— А вот мы сейчас поглядим, что там у него, — весело говорит Анастасия Христофоровна. — А ну-ка, дружок, подними рубашку...

На планерке собирается почти весь больничный коллектив. Он весь женский, молодой. Медсестры Наташа Бем, Нина Безуглова, Люба Бирюкова и Таня Поливенко, зубной врач Нина Степановна Кислая

четко отвечают на вопросы, вносят свои предложения. Главное для участковой больницы — это профилактика. И Анастасия Христофорова следит за этим, сама показывает пример. Медиков видят повсюду, в каждом доме они регулярно бывают. Вот поэтому в Осокине и болеют мало, народ здоровый, дружный...

Потом Анастасия Христофорова ведет прием. Сегодня пришло всего трое: конюх с хутора и две бабки. Эти бабки любят лечиться, приходят часто.

— Ну, что там у тебя, Кузьминична, стряслось? — спрашивает Корнелаева, усаживая старуху к свету.

— В грудях теснит, милая. Все таблетки выпила, а теснит. Еще бы таблеток-то коробочку...

— Не надо тебе никаких таблеток. Ты здоровая.

— Мне не надо, а Аграфене дала...

— Ой, Кузьминична, доберусь я до тебя, деду твоему пожалуйюсь!

— А ты не жалей, касатка. Мне всего одну жменю. Таких, как у Аграфены...

И смех и грех с этими старухами. Ни уговорами, ни юмором их не проймешь. Приходится как-то с ними ладить, помогать. Старые люди, ветераны, бывшие доярки и птичницы, жалеет их Корнелаева и любит...

День сегодня опять напряженный. В сельсовет к Щеброву надо забежать, в парткоме взять данные для беседы в гараже, побывать в школе, попросить у Егоркина машину, чтобы к больнице песку и битого кирпича привезли — во дворе грязновато. И обещала она заглянуть к молодоженам, на их дочку посмотреть, дать советы...

Устала Анастасия Христофорова к вечеру, но шла домой довольная. Весна всюю уже разгулялась, зачернели всюю проталины, мальчишки прибывали на березах скворечники, брызги летели из-под колес машин.

— Доктору мое почтение!

Сидит на лавочке дед Василий и кивает Анастасии Христофоровне головой. Как и утром, все с ней здороваются, все заговаривают. Какое это великое счастье — служить людям, жить ради людей.

МАРТОВСКИЕ ВЕСНУШКИ

Широкое поле уходит вниз, к ложине, и там, слева, у самой кромки, сгрудилось небольшое селенье. Сразу видно, что оно новое, еще только встает, на белом снежном фоне ярко прорисовываются цветные шиферные крыши, непривычный вид всей планировки.

— Это и есть наше Никулино! К июню с десяток домов уже заселим, а осенью еще столько же сдадим. Торговый центр тут будет, семейный клуб, детский сад, баня. Квартиры удобные, просторные, все, как в городе, а рядом участок под огород, сарай для живности, большой подвал. И для гаража, кому надо, местечко найдется...

Раиса Петровна Федорова, секретарь Подольского горкома партии, ведающая сельским хозяйством, закрывается варежкой от яркого мартовского солнышка, сильно бьющего в глаза, и не может скрыть своей радости. Я понимаю ее состояние. До партийной работы она подняла в этом же районе два хозяйства, лежавших, что называется, на лопатках, и хорошо знает, как необходимо сейчас на селе современное жилье и с каким трудом оно дается...

— А давно ли начали строить?

— Да только что!— говорит Раиса Петровна.— Это плоды Продовольственной программы. Все резервы в ход пустили, своими силами строим...

Мы еще какое-то время топчемся по хрустящему сугробу, любуясь видами нового и старого Никулина, и узкой тропкой идем к фермам. Старая деревня растянулась по другую сторону лощины: березки с грачиными гнездами, ветхая колоколенка на отшибе, оградки палисадников. Кроме местных жителей, никто это Никулино и не знал: хиреющая деревенька, каких в Подмосковье еще немало. Да к тому же совхоз «Подольский», куда Никулино входит, числился в самых отстающих. Сам совхоз-то старались упоминать реже, а где уж тут какому-то Никулину в известность попасть. Но вот времена изменились: заговорили о Никулине. Женщины его прославили, доярки, особенно две Галины, Титова и Кольцова, две боевые коммунистки. Как только вырос на окраине Никулина животноводческий комплекс, так и стала деревня входить в славу. Галина Михайловна Титова и Галина Петровна Кольцова взяли по сто коров и держат высокие надои, идут почти вровень: под пять тысяч килограммов в год от каждой коровы дают. И молоко никулинское самой лучшей марки: хоть на сыры его, хоть на сметану и творог или так пей — в любом виде оно замечательное...

А несколько месяцев назад никулинский комплекс стал молодежным: пришли сюда две Наташи, Гущина и Суконнова, Люба Иванова, Валя Волкова, Полякова Татьяна, Галя Степкина и Лобова Вера. Да не одни пришли, а мужей своих привели. Холостяков теперь здесь только двое: Толя Косынкин да семидесятилетний Павел Васильевич Подшебякин, отец Галины Титовой. Руководит комплексом Иван Викторович Путинцев. В ноябре прошлого года мы познакомились с ним в российском министерстве заготовок. Сельский экономист по образованию, он там чем-то заведовал, был заместителем секретаря парткома. И мне подумалось, когда мы встретили его возле фермы, что Путинцев приехал сюда с какой-то проверкой. Ан нет, насовсем перебрался, Продовольственная программа его позвала. И вижу, доволен: улыбается, с лица сошла канцелярская бледность. В его молодые годы можно улыбаться, конечно, и просто так, от полноты жизни, оттого, что, к примеру, весна на дворе, но он в самом деле был очень доволен своей новой работой.

— Так а чего? — заламывая шапку на самый затылок, говорит Путинцев. — Тут у меня все конкретно: дай побольше молока — и никаких! Бумаг в инстанции не сочиняю, на доклад не бегаю, все начальники сами ко мне спешат. Три фермы, шестьсот коров! И бригада у нас — вон она какая! Ребята, заходите в подсобку, разговор есть!

Утренняя дойка давно закончилась, заполнены кормушки сочным силосом, двор прибран, теперь можно подбить кое-какие итоги. Рассаживаются молодые животноводы по-семейному, парами: Люба с Сашей, Иван с Татьяной, Наташа с Костей. В самом центре место уступают Галине Титовой: мастер, наставник, член обкома партии. Да ее и так просто любят, как человека справедливого и доброго. Устоявшийся авторитет и у второй известной Галины, у Кольцовой. Она сидит рядом со своей подругой. Они почти одного возраста, обе русоволосые и вообще в чем-то похожи друг на друга, только Кольцова росточком пониже и характером вспыльчивее. А Павел Васильевич Подшебякин устраивается с краешку. Он здесь главный фуражир. У других мужчин должности разные: кто кормач, а кто помощник доярки. В общем, все мужья у своих жен в заместителях ходят...

— То ли, может, он со мною, то ли, может, я при нем, — напеваёт слова известной песенки Толя Косынкин.

— А тебе-то какое дело! — обрывает его бойкая Люба Иванова.

— Потише, товарищи, потише! — говорит Тамара Федоровна Покулова, помощник бригадира: ее очередь сегодня докладывать. — Мы идем с плюсом в два килограмма. Но есть у меня тревога. Дни стали длиннее, рационы надо увеличивать. Во втором коровнике подача воды нарушалась, лед надо скалывать у входа, ночной сторож чуть нос себе не разбил...

После минутной паузы посыпались вопросы. Сначала короткие и вроде бы робкие, а потом пулеметными очередями: тут за словом в карман не лезли. Душ есть, а не работает. Комнату отдыха только обещают. У других телевизоры в красных уголках стоят, книг и газет много, а здесь и самого-то уголка нет. С торговлей в Никулине неважно. Говорили больше женщины и кидали быстрые взгляды в сторону секретаря горкома: записывай, мол, запиной, помоги принять меры. Открыли комплекс, собрали молодежь, так и условия нормальные поскорее создайте...

* * *

Галина Кольцова побежала к своей старенькой матери, чтобы помочь ей по дому, а Титова еще подзадержалась на ферме — общественных нагузок у нее побольше. Вячеслав Николаевич Ефимов, секретарь совхозного парткома, — человек совсем молодой, но

строгий: есть поручение — выполняй его как надо. У Титовой партийная нагрузка — кадры животноводов, воспитание их и учеба. Ох и трудное это дело! Взяли как-то одну доярку, по анкетам вроде бы все гладко, а через месяц пришлось увольнять: прогуливать стала, опаздывать. Коровы мечутся и режут, а ее нет. У другой бы сердце разорвалось на части от такого нетерпеливого зовущего рева, а ей хоть бы что: слышит и не торопится. Значит, она не крестьянка, животных не любит. А надо подбирать на фермы таких людей, которые свою работу ценят и жить без нее не могут. И при любом деле так, а не только в животноводстве. Совхоз потому и катился вниз, что слаба была дисциплина, не те люди стояли на многих участках. Когда по-настоящему взялись за все эти вопросы, дела сразу же стали поправляться. В прошлом году совхоз наконец-то смыл с себя позорное слово «нерентабельный» и дал почти двести тысяч рублей прибыли. Правда, не все обязательства подольцы выполнили, но и малый шаг в крутую гору придает силы и вдохновляет. На партийном собрании, которое было посвящено итогам года, говорили больше о недостатках. И тон задавали обе Галины, Павел Васильевич Подшебякин, Тамара Федоровна Покулова.

— Вот тут голосок раздается, что мы какие-то там тонны молока не давали! — горячился Павел Васильевич. — А вы, милые мои, эти тонны по бутылкам разлейте да сосчитайте, сколько бутылок-то будет! Все подольские магазины забыть можно! А их не было, этих бутылок-то! А могли бы быть! Значит, кто-то своего стакана молока недопил, не дали мы ему, обманули...

Галина Михайловна всегда с хорошей завистью слушает и смотрит, когда ее отец выступает. Он ей вообще-то не родной, а любит она его больше, чем родного. Они живут одной семьей, как и раньше, когда ее мать была жива. Павел Васильевич, вернувшись с войны, сам попросился в животноводство, много лет заведовал фермой. Он и Галю приучил к своей работе. Лет с шестнадцати она уже поила коров, не отставала от взрослых...

А Галине Кольцовой передала свою группу коров мать ее, Мария Григорьевна. Она была передовой дояркой. В шкатулке у зеркала аккуратно сложены ее почетные грамоты и разные вымпелы. Сухонькая и маленькая, она еще ходит на фермы, чтобы посмотреть, как там все изменилось, и поговорить с молодежью. Больше всего ее поражает, что Галя одна выдаивает сто коров и ничего не надо делать вручную: и вода течет, и корма подаются, и уборка налажена...

— Мы бы так-то хоть сто годов работали, — восхищается Мария Григорьевна, — а тогда ведь все на себе: в четвертом часу придешь — и дров надо наколоть, чтобы титан затопить, ведер сорок воды натаскаешь, на чурбачке топором солому рубили... Поболеть было нельзя — на кого коров-то оставишь? А у меня еще детки, четверо, они тоже есть просят. Когда на районные слеты вызывали, то там хоть

сахарку другой раз давали, хлеба белого, ситцу отрез или другой материи. Петю моего в первый год войны убило, вот тут, недалеко от нас, под Москвой...

Рассказывая, Мария Григорьевна еще несколько раз произносила родное ей имя Петя, и слезы застилали ее глаза, она поскорее, как бы извиняясь за свою слабость, утиралась платочком и, поглядывая на молодых доярок, снова пыталась улыбаться. Во всей ее фигурке, начиная с уставших, натруженных рук, было столько скромности, простоты и крестьянского благородства, что ребята затихали при ней, слушали со вниманием. И пять агитаторов не смогли бы, пожалуй, влить в молодые души такую теплоту и доходчивость, как это делала старая никулинская доярка...

— Мы тебя, Григорьевна, в лекторскую группу запишем, — шутиливо благодарит ее секретарь парткома. — Воспитание молодежи надо поднимать, а от тебя сама молодость исходит...

Мария Григорьевна ревниво следит, как ее дочь соревнуется с Галиной Титовой. Соревнование у них настоящее, острое, иной раз до слез. Каждая старается пораньше прийти на ферму и, выслушав от дежурного, что за ночь случилось, сразу же к делу. Включается холодильник, аппараты проверяются, дотошно кормача допрашивают, верно ли взвешен силос, сено, добавки зерновые. И коровы, все эти «маковки», «пули», «симпатии», «гири», они ведь не безликие, живые, толчки ее поглубже локтем, прикрикни — и целый литр молока недоберешь. И доить непросто, поддой делать, в котором самый высокий жир сокрыт. За прогулкой своих коров доярки следят, а летом пастухам не дают спуска. А как же? Без труда не вынешь и рыбку из пруда. Личный пример обеих Галин убеждает начинающих получше всяких слов. Чтобы учить кого-то, надо самому все уметь...

В совхозе, помимо никулинского, есть еще два комплекса: в Валищеве и в Бережках. В каждом по четыреста коров. И там, как и в Никулине, основные работницы — женщины. А в Романцеве стоит на откорме почти семнадцать тысяч свиней. Крупное хозяйство, на двадцать верст растянулось, и руководить им непросто. И директор и партийная организация стараются, чтобы совхоз побыстрее освобождался от всех недостатков, которых еще хватает. Они знают, что многое зависит не столько от новых машин и вроде бы толковых министерских рекомендаций, а от человека, работника, от самой личности. В Валищеве и Бережках такие же установки, такой же породы скот, рацион кормления одинаков, а вот поди ж ты, результаты разные, молока они дают меньше, чем никулинцы. Секретарь парткома Ефимов ломает над этим голову, на стареньком своем пикапе, который ему выделили, ездит на эти фермы ежедневно, ведет беседы, выпускает сатирический «Еж». На каждом участке нужны такие коммунисты, как никулинские Галины, Павел Васильевич Подшебакин, как свинарки Нина Аверьяновна Бабакова и Мария

Тимофеевна Патрикалкина, кормач Надежда Павловна Подвигаило. Мастера нужны, преданные родной земле люди, одержимые, добрые и отзывчивые к человеку...

— А где их взять?— хмурится на заседаниях бюро парткома Ефимов.— Мастера с неба не падают...

— Ты, Вячеслав, особо-то не кипятись,— осаживает молодого партийного лидера Подшебьякин.— От тебя, понимаешь ли, должны сияние идти и толковость, а ты закипаешь при нуле градусов. Вон они, мастера будущие, весь наш никулинский комплекс. И двух годов не пройдет, как кто-то из них в передовики выйдет. Вот с ними и надо работать. На строителей нажимай, молодые семьи жилья ждут не дождутся. Да и мы, старики, еще не последняя спица в колеснице...

* * *

В первые дни весны погода повернулась как бы зимней стороной: по ночам морозы за двадцать градусов. В полдень отпускает, а с вечера как в январе. Галина Титова забеспокоилась: как бы надои не упали, ферма тепло не очень-то держит...

— Дело обыкновенное,— рассуждал Павел Васильевич,— не даром говорится в народе: марток — надевай трое порток...

Он дул на горячий крепкий чай, с шумом прихлебывал из блюдечка. А Галине в такую рань ничего не хотелось.

— Ты зря, девка, с утра натошак на ферму бегаешь,— укорял ее отец.— У нас в роте казах был, ефрейтор, Ануаром звали, так он, бывало, мне так говорил: ты, Павло, каши не поешь, а чаю выпей. Вот так-то, милая!..

Павел Васильевич уходил первым, а потом выскакивала и Галина. На улице еще темновато, звенит воздух от мороза. Она оглядывалась на свой дом. Обветшал он уже, поосел. Скоро новый получат. Уже известно какой. Справа от дороги. Павел Васильевич частенько ходит на стройку, измеряет шагами участок, советуется потом с Галиной, какие кусты смородины пересадить со старого огорода, надо ли выкапывать малину. Там, в новом Никулине, место тоже красивое... Пройдет года три, обживется деревня, укроется зеленью. Вообще здесь, у Подольска, всюду виды замечательные. Леса грибные, в реке Рожайке рыба есть. У Галины Михайловны своя «Волга». У Кольцовых тоже «Волга». Иногда выезжают они на природу или в город. Без отдыха нельзя, работа тяжелая...

* * *

Удержали никулинцы надои, не сбавили. И молодежь марку выдержала. Пришлось, конечно, потрудиться побольше. И жирность молока не снизилась. Раиса Петровна, секретарь горкома, поблагода-

рила никулинцев, сказала, что женщины свой праздник хорошо встречают. А Галину Титову она попросила выступить перед комсомольцами двух заводов: пусть ребята на село идут, молодых, сильных рук там не хватает...

А в субботу приехала в Никулино Юлечка, девятилетняя дочка Галины Михайловны. Она учится в Подольске, там и живет у сестры Лиды. От автобуса сразу же побежала на ферму. Галина Михайловна схватила дочь в охапку, закружилась с ней по снегу.

— Глянь-ко, а у тебя, Юлька, веснушки на носу!

— И у тебя, мама...

— Вот уж не замечала...

Они пошли домой вместе. Наскоро пообедав, Юля выкатилась на крыльцо и стала ловить ртом капельки, падающие с сосуллек. Галина Михайловна постучала в окно. А потом и сама вышла на улицу, села на приступочек. Солнце в затишке припекало уже ощутимо. И сама собой рождалась на лице улыбка...

БРЕДЕНЬ В МЕЛКУЮ ЯЧЕЙКУ

После легкого морозца опять наступила оттепель, и к утру асфальтированная дорога, пересекающая костромской колхоз имени 50-летия СССР, стала черной, как летом. И без того неглубокий снег остался лишь в кюветах да на полях. А кое-где уже, особенно на высотках, оголились озимые, и, глядя на эти зеленые проплешины, Леонид Михайлович Малков, председатель здешнего колхоза, тревожно покачивал головой и вздыхал. За хутором Меленки он отпустил машину, и мы, делая порядочный крюк, идем пешком до Сущева, до центральной усадьбы: на ходу, мол, и разговор течет сам собой и думается лучше...

А беседуем мы, конечно, о деревенских делах. Продовольственная программа встает на конкретные рельсы, повсюду созданы или близки к созданию ее управленческие звенья, и год этот, вся крестьянская работа должны ощутимо сказаться на городских продовольственных магазинах и рынках. Ведь все ради этого и делается — хорошо кормить народ. И одевать, обувать тоже, потому что шерсть, хлопок, лен, кожи идут, собственно, от земли, тоже зависят от урожая, настригов, привесов и нагулов.

Малков как бы уже давно работает по установкам Продовольственной программы. Верст на двести во все стороны от Сущева урожаи и надой так себе, даже низкие, а здесь под сорок или за сорок. Это хлеба с гектара. А молока за три тысячи литров от коровы. И каждый год. Хоть в засуху, хоть в ливень. Вот и в прошлую осень, когда другие еле концы с концами свели, сущевцы зерна почти по

сорок пять центнеров взяли, картошки за двести, овощей пятьсот с лишним. Вокруг жалобы об убытках, а у Малкова одной чистой прибыли чуть ли не полтора миллиона рублей. А земля, как и у соседей, — типичное Российское Нечерноземье. И никаким блатом существы никогда не пользовались, никто им «дополнительных дрозжей» не подкидывал...

— Леонид Михайлович, — допытываюсь я у Малкова, — ну какая все-таки сила вас тащит, секрет-то в чем?

— Это вы, писатели да газетчики, все какие-то секреты выискиваете... Работать надо, милые мои, работать!

Он насупил брови и долго шел молча. Видимо, злые, резкие мысли бушевали в его голове. И плечи опустил, сразу стал старше. А ему ведь и шестидесяти нет. На войне Малков был в полковой разведке, под Витебском пулеметной очередью прошло ему обе ноги и руку задело. С полгода по госпиталям валялся, домой, в свое Мисково, в места сущевские, пришел с костыликом. Работал рядовым в бригаде, фермой заведовал и вот уже двадцать лет руководит крупным колхозом. И все двадцать лет я его близко знаю. На моих глазах он вырос, стал Героем Социалистического Труда, депутатом...

— Вот ты силу упомянул, — заговорил Леонид Михайлович, замедляя шаг. — Да сил-то в каждом человеке уйма! По своим землякам знаю. Ты только сумей разбудить эти силы, ход им верный дай. От любви к своему делу все начинается. И это не только в крестьянстве, а где хочешь. Тут у нас колхозы всегда бедные были, на трудодни ни шиша не давали, а отец, помню, как только к сенокосу или к уборке дело, встает на рассвете, хотя его ни бригадир, ни председатель не звали. Его, понимаешь ли, земля будила, это она звала его. А это уж такая силаща, которую ничем не измерить. Святая сила, скажу я тебе. Но и она стала убывать, потому что мужику можно было не думать и особото-то не о чем заботиться, все сверху указывалось: сей-то-то и там-то, убирай тогда-то. Мужика, хозяина основного, с земельки-то, понимаешь ли, как бы потеснили, чиновников много появилось — семь портфелей на гектар. И я не побоюсь, с любой трибуны как коммунист скажу, что если мы все эти толковые указания, записанные в Продовольственной программе, по-настоящему да поскорее не подкрепим на каждом участке этой человеческой силой, убежденностью, сознательной дисциплиной, то, извини меня, при взятии такой высоты можем понести излишние большие потери. Сколько в одно только Нечерноземье денег-то вбухали? Много? Вот то-то и оно! Деньги-то государственные посеяли, а урожая нужного не собрали. Ой, как много от человека-то зависит. Человек — это, понимаешь ли, резерв резервов...

Общаясь с Малковым, я и раньше замечал, а сейчас окончательно убедился, что он удачно сочетает в себе и командира и комиссара. Он талантливый хозяйственник и умный, чуткий воспитатель. Когда

я напомнил ему о комиссарстве, он даже немножко смутился: это, мол, само собой должно получаться, у каждого председателя и директора должно быть. О, если бы так, сколько выгоды получили бы мы от такого сочетания. В районе говорят, что Малков знает своих людей, как врач-рентгенолог. Это, пожалуй, верно. И сам он весь на виду, перед людьми открыт. Жена его всегда работала рядовой колхозницей, сын шофером. Его не упрекнешь ни в какой корысти. Упрекают Малкова только доктора: находи время для отдыха, не молоденький уже, побереги себя, на курорт съезди, на море...

— А у нас свое море, костромское, — отшучивается Малков. — Сенюк вот придет, и отдохну, в шалаше целую неделю жить буду, недалеко от тех мест, где дед Мазай зайчишек спасал...

Верой в дела общие, неумной своей энергией Леонид Михайлович буквально всех завораживает. И как магнит притягивает к себе людей. И никогда, исключая разве отчетные собрания, не произносит длинных речей. Отрываясь от бумаг, сдвинет на лоб старомодные очки, чтобы лучше задние ряды видеть, и округлым костромским своим говорком, при излюбленном частом словечке «всеш-таки», начинает подводить итоги или задачи ставить. И когда смотришь со стороны на него и на зал, полный народу, замечаешь сразу: свой тут Малков, любим и почитаем, вожак он и товарищ каждому...

* * *

Сельских руководителей, умеющих, помимо организаторской работы, по-партийному и воспитывать людей, встречал я и встречаю немало. А, собственно, все «великие крестьяне», такие, как костромская Прасковья Малинина, Сергей Визунов со Смоленщины, рязанский Иван Балов, несут в себе эти золотые качества. Они, как и Малков, без дополнительных затрат, за счет только коллективного подъема и укрепления дисциплины, за счет использования передового опыта и науки добились больших успехов. С партийного ядра начинали, с коммунистов и комсомольцев, с актива, а потом этот актив, окрыленный делами, как бы сам перемалывал все отстающее и плохое.

В Псковской области есть колхоз «Россия». Много лет руководил им Дмитрий Иванович Иванов и вывел в передовые. Иванова нет уже в живых, но когда приезжаешь в те места, обязательно услышишь добрые слова о нем:

— Да, Иваныч наш... Раньше его даже пастухи не вставали... И в Горней Ярвине, Пушне, Аленином Захонье, Максаковом Бору, Качаловой Каменке — во всех этих деревеньках с поэтическими названиями говорили о нем, как о живом. Иванов жил не только в тех зданиях и дорогах, построенных при нем. Он жил в людях, которым дал партийные рекомендации, в детях своих и внуках, в тех парнях, что служат сейчас в армии, в ухоженной колхозной земле, в том

порядке и душевном настрое, которые он создал еще с коммуны...

Раза три или четыре в году появлялся Дмитрий Иванович в Пскове. Коренастый, неторопливый, в кирзовых сапогах сорок пятого размера и в черном пиджаке, пахнущем бензином, шел сразу в обком партии. Вернее, зывал его к себе Иван Степанович Густов — он был тогда первым секретарем. Обычно Иванов ничего не просил: ни шиферу, ни покрышек, ни концентратов. Они просто беседовали, умудренные опытом два человека. И трудно было сказать, кто для кого был полезнее. Они, пожалуй, оба, делясь друг с другом, подзаряжали свои «аккумуляторы» новизной жизни, знаниями, практикой...

Дмитрий Иванович был по-мужски прям и болезненно честен, терпеть не мог болтунов и лентяев. Как-то в разгар уборки ездил он в Порхов за шатуном для льнотеребилки и завернул не то к свояку, не то к шурину: жена велела передать баночку свежего меда для заболевшей старухи. Заходит во двор и видит, как молодой директор совхоза, механик и агроном разматывают сети.

— Вы чего тут, мужики, укрылись? — спросил он удивленно.

— А, Дмитрий Иванович, сосед наш дорогой! Бредешок вот в мелкую ячейку ладим, хотим на озерце пошарить. Щурята и лини у нас — обмереть можно. Иди переодевайся, составишь компанию. Ячейка мелкая, без ухи не останемся...

— Да вы что? У вас же хлеб осыпается, а комбайны стоят! Это же... Это как называется? Народ что скажет?

Захлебываясь от гнева, Иванов схватил косарь и остервенело стал рубить и рвать висевшую сеть.

— Ну и прохвосты! Бредень в мелкую ячейку! Да у вас души, у прохиндеев, мелкой ячейкой залеплены! Совхоз совсем развалили и пропили! В мелкую ячейку! Среди бела дня! Я вам покажу мелкую ячейку!..

Спустя года два после этого случая проезжал я через Логвино и решил заглянуть к Дмитрию Ивановичу. Но сначала по обновленному селу прошелся, постоял у обелиска погибшим воинам. Больше двухсот фамилий было высечено на нем и среди них тридцать три — Ивановы. Значилось тут имя и Петра Иванова, сына Дмитрия Ивановича. Он был пограничником, коммунистом...

Я слышал, что Дмитрий Иванович болеет, но в таком слабом виде не думал застать его. Он лежал на широкой кровати, похудевший и бледный. Только глаза его были по-прежнему свежи и пронзительны.

— Хвораю вот, — сказал он и закашлялся. — Никак не могу оклематься... Работы невпроворот, а я вот лежу...

Он и больной беспокоился о работе. Рядом с подушкой его стоял телефон. Неслышно вошла в комнату девчушка лет десяти, голенастая, с косой. Она принесла районную газету. Дмитрий Иванович заученно и быстро глянул в правый угол первой полосы, где

была сводка. Колхоз «Россия» шел начальной строкой. Он заулыбался, взял девочку за руку:

— Ах ты, ласточка моя милая... Белым мылом лапушки помыты... Ничего... Нам бы поскорее клевера заскирдовать. А там, глядишь, и погода пооберет. Ничего...

Я напомнил ему о бредне в мелкую ячейку. По всей области продолжал еще катиться этот слух. Исчезла с губ Дмитрия Ивановича улыбка, зашевелились крупные руки его, праздно лежащие поверх одеяла.

— Взорвало меня тогда, парень, ох, как взорвало... Директор, агроном. В самую уборку... Браконьерским бреднем. Люди скажут: ага, начальству все можно. В струне надо держать себя. Всю жизнь!

Умер Дмитрий Иванович в этом же году. Помимо всех хворей, которые на него свалились, добила его еще и война: грудь этого могучего крестьянина была пробита тремя пулями навывлет, он был партизанским командиром, штурмовал поселок Дедовичи, и в последний момент, когда атака уже завершилась, в упор, из укрытия, ударил в него автоматчик...

Таких людей, как Иванов, настоящих хлеборобов, стойких бойцов, немало у нас по деревням и селам. И очень жаль, что далеко не во всех колхозах есть музеи, где бы висели их портреты, лежали на видном месте ордена и медали, какие-то документы, личные вещи. Нельзя забывать ветеранов. Это основа нашей нравственности. Они и мертвые воспитывают нас. Внук уйдет из деревни, если его деда, заслуженного тракториста, награжденного орденом еще до войны, станут забывать, не позовут на собрание, не посадят в президиум. Дисциплина издалека начинается, рубль и приказ не всегда удержат ее...

У всех радетелей земли есть что-то общее в характерах: они радуются труду. Их не пугают ни стужа, ни грязи осенние, ни летняя жара. И очень ценят они и берегут каждую крошку, добытую своими руками.

Коль в поле проторишь свою дорожку,
Взрастишь один хотя бы колосок,
То со стола не кинешь за окошко
Крестьянским потом добытый кусок.

Эти строчки написал новгородский пастух и поэт Евдоким Русаков. Работящие люди, любящие землю, края свои родные, они всегда стремятся к творчеству. Они, как правило, на все руки мастера. Дом такого хозяина отличишь сразу: и наличники у него резные, петух жестяной на крыше, цветы перед окнами, огненными гроздьями полыхают рябины, яблоньки в саду, пара ульев, на грядках такие огурцы и помидоры, что хоть на сельхозвыставке показывай. И двор его не пустой. И скотину и птицу он держит. У серьезного, собранного

человека на все время хватит. От труда, который делается с душевным подъемом, силы только растут, усталости почти не бывает...

Иногда создается такое впечатление, что в передовых хозяйствах и плохих людей-то нет. Куда они делись? В Суцее у Малкова даже в дни получки я никогда не видел пьяных.

— Леонид Михайлович, неужели у вас ни-ни-ни? — как-то шутливо спросил я его.

— Ну зачем так строго? Это всеш-таки нереально на данном этапе. Надо честно говорить. Пьяниц у нас нет — это верно, искоренили мы их. А так, маленько ежели, в праздничек, чтобы работе потом не мешало. Оно и раньше было: мужик по субботам баню топил, парился, и вот после баньки... Ладно, хватит про это! А то напишешь, а меня потом ханжи разные из ученых медиков клевать начнут. Пьянство, милый мой, огромное зло сейчас на селе, разлагатель всей дисциплины. Стыд и позор, когда колхозник среди бела дня пьян...

У отстающих — у них как-то все отстающее, запущенное, серое и безликое. Техника валяется под снегом, крышу хотя бы дешевую не могут сделать, время к обеду — а они только на сенокос собираются, режут на ферме голодные коровы, пылятся в коридоре конторы засиженная мухами прошлогодняя стенгазета. И годами, чуть ли не каждый день, ездят через этот колхоз все три секретаря райкома и вроде бы видят, но как бы и не видят ничего — привыкли. Доходить до каждого человека — это ведь надо делать в прямом смысле. Двадцать тысяч населения в районе, вот и дойди до каждого, знай все с глазу на глаз. Так и поступают лучшие сельские партийные работники и вообще руководители, такие, как Малков, Бизунов и Балов. Человек всегда откликнется на твой зов, если голос будет умным, проникновенным, идущим от сердца к сердцу.

* * *

В первые недели февраля подбросило свежего снежку, волнистые сугробы встали на полях. Я решил позвонить Малкову, узнать, как там у них в костромских краях дела идут. Нашел его только поздно вечером, дома.

— Озимые как периной укрыло! — радостно кричал Леонид Михайлович в трубку. — Всеш-таки свои сорок с гаком мы возьмем! Такой у нас общий настрой! И по молоку идем с плюсом! Кормов хватает! Семена подобраны, аж дышат, сами в землю просятся...

Я ему как-то рассказывал про Иванова и про бредень в мелкую ячейку. И сейчас мы это вспомнили.

— И мне, милый мой, приходилось в обратную сторону по головке-то гладить. А что делать? Не все люди ангелы, есть и такие,

которых эта мелкая ячейка густо опутала, — посмеивался Малков. — Борьбу за дисциплину всегда с себя начинай. Это всеш-таки вернее будет...

Он еще что-то весело говорил, и у меня повышалось настроение от его слов. И мне тоже хотелось работать. Лучше и продуктивнее, чем до сих пор.

АРЗАМАССКИЙ ЛУК

Не вызывает особого удивления, когда твоему взору открывается большое поле, засеянное, к примеру, пшеницей. Пусть даже огромное. Мы к просторам привыкли. Но вот лук... Обширный массив лука гектаров под двести. Всю жизнь вроде видел его на грядках рядом с укропом и другой огородной мелочью — и вдруг такое обширное луковое поле. Недавно поработала тут дождевальная установка, и на обмытых стреловидных перьях еще держались капельки воды, отражая яркое июньское солнышко. Темно-зеленые ухоженные рядки тянулись аж к дальним лесопосадкам...

— И это все лук? — уже который раз повторяю я свой удивленный вопрос. — Во все стороны один лук!

— Причем наш, арзамасский, вот в чем главное-то! — говорит Михаил Федорович Балакин, которому, по всему виду, приятно мое удивление. — У нас все луковые площади крупные, так удобнее, есть где технике разгуляться...

Наше знакомство состоялось несколько часов назад. Ехали мы в Болдино на Пушкинский праздник поэзии, и перед Арзамасом, куда нам предстояло заглянуть согласно программе, все обратили внимание на дорожный щит с нарисованной на нем луковицей. Что-то вроде городского герба в современном варианте. Сейчас вообще стало модным вывешивать перед въездами в хозяйства какие-то символы: свиную голову, доярку с ведром, сноп пшеницы. И это правильно, сразу узнаешь, чем здешние края знамениты. А тут, помимо луковицы, увидели мы еще и белого гуся. Этот упитанный, красивый гусь был изображен на значке «Арзамасу — 400 лет», который подарили нам при встрече. И сразу многим вспомнилось: братцы, да ведь этот город редким своим луком славен да гусем уникальным! Даже в энциклопедии о здешнем гусе широко сказано...

Об Арзамасе, о прошлом его и настоящем, рассказал нам Михаил Федорович Балакин, первый секретарь горкома партии. Говорил он интересно и увлеченно. Конечно, не узнал бы сейчас своего родного города Аркадий Гайдар, а Алексей Максимович Горький, возможно, не нашел бы того деревянного дома, в котором жил когда-то под охраной царских стражников. Преобразился Арзамас. Это, по сути, новый город со стотысячным населением. Промышленный, культурный, молодежный...

Слушая Балакина, я все вылавливал момент, чтобы как-то удобнее вклиниться со своим вопросом об арзамасском гусе и луке. И только в конце беседы мне удалось об этом спросить. О гусе Балакин ответил туманно и уклончиво, а что касается лука — тут же повез меня в поле, чтобы показать его. И вот мы ходим с ним по кромке плантации, то и дело склоняясь над тем или другим рядком. Балакин — инженер по образованию, кандидат экономических наук, но сейчас взыграла в нем крестьянская жила: деревенский он родом, почти местный, сын колхозного пастуха. Всю луковую подноготную по-агрномски знает, поясняет бойко, как практик...

— Ох, ихватила мы лиха с этим лучком! — вздыхает Балакин.

— А что? Сложна технология?

— Да если бы только это! На грани исчезновения он был. А ведь это фирменная наша продукция, честь и слава района. Позор-то какой: деды и прадеды умели, а мы, стало быть, не можем. Сверху нас за этот лучок стукнули маленько, пристыдили. Но мы и сами уж к тому времени взялись за дело, прошлые грехи на погоду да на разные нехватки валить не стали. К чему это? Ведь в основном мы виноваты, нам и выправлять положение. Вся районная партийная организация подключилась, весь комсомол, старые луководческие кадры стали расшевеливать, молодежь учить...

— А чем он хорош, ваш арзамасский лук?

— Ну как же! Это же редкий сорт. Он хранится долго, не портится, на вкус свеж и приятен. Полезных веществ в нем очень много. И вот еще чем выделяется он...

Балакин шагнул к рядкам и выдернул два растеньица. Сбивая пальцами землю, стал объяснять:

— Видите, сколько луковиц в каждом гнезде? Здесь две, кажется, а тут вон четыре. Мы постоянно увеличиваем площадь, отводим под лук лучшие земли. Сейчас у нас больше двух тысяч гектаров под луком. Растет и урожайность. В прошлом году под сто шестьдесят центнеров с гектара на круг взяли. Конечно, это первые шаги, хвалиться пока особо-то нечем, но разбег взят, в лук мы вцепились крепко и будем держать свою марку...

Мы какое-то время идем по обочине, потом садимся в машину и катим дальше. Все эти дни палит невыносимо. Ни ветерка, ни тучки. А дождя, ох, как надо бы, лук влагу любит. Да и другие культуры пить просят. Район большой, самый крупный в области, и от него ждут хлеб, молоко и мясо, овощи. Один полуторамиллионный Горький сколько всего требует. Тяжелая ноша на плечах у Балакина. И как он только управляется? С виду и не подумаешь, что таким районом заворачивает, росточка невысокого, молодой, быстрый, в толпе парни его за ровню свою принять могут и запросто прикурить попросят...

За лесом сворачиваем на проселок, и сразу же клубы пыли встают

за машиной. В деревнях тихо, не видно ни души. Все на прополке лука. И стар и мал. И колхозный лук обрабатывают и свой, приусадебный. Жарища, сорняк проклятый всюю полез. Белеют женские платки на поле, цветастые сарафаны...

Останавливаемся возле деревни Васильев Враг. Дворы и огороды одной улицы выходят к дороге. Копаются на участке две фигуры: старая бабка и девчонка молоденькая. Бабка собирает сорняки в подол передника, а внучка ее, полураздетая, как на пляже, держит травинки в руке.

— Чресла-то хоть прикрой, охальница, — шипит на девчонку бабка и приветливо здоровается с нами.

— Ну вот еще, я же загораю! — обижается девчонка.

— Смотрите, люди добрые, загорает она! Мы вот всю жизнь работали на поле, а не загорали. Из городу помогать мне приехала, лучок надо обихаживать. Он силу теряет, ежели опоздаешь с прополкой...

Луку у бабки двенадцать соток. У других и побольше участки. Сорт — арзамасский. Не только из-за одной выгоды «водят лук» в деревнях и селах. Его здесь любят. Но и плата хорошая — пятьдесят копеек за килограмм. Раньше на север возили продавать. А теперь не слыхать что-то. Хлопотно больно. Да и зачем? Лучок на месте принимают и тут же выдают деньги. Жаловаться не на что, сумели дело организовать. У многих вон «Жигули» да «Москвичи». И все он, лучок арзамасский, от него подспорье для семьи идет. И подспорье немалое, нужное...

— А гуси, бабушка, в вашей деревне есть?

— Ты, чай, приезжий? — в свою очередь, спрашивает меня бабка. — Вот то-то и видать. Нет у нас, милоч, ни единого гусика. А ведь был всем гусям гусь. По полпуду гусаки вытягивали. На безмене, бывало, взвесишь — как раз полпуда. До войны, дай бог память, матушка моя домашнюю лапшу варила. С гусиным потрохом. Ну, скажу я тебе, не лапша, а объединение...

* * *

Мы уж так условились с Балакиным, что на обратном пути из Волдина он свозит меня в колхоз «Мировой Октябрь», где живут отменные луковые мастера, такие, как Иван Алексеевич Крайнов, Герой Социалистического Труда, звеньевой Конин, тоже Иван, только Петрович...

Было воскресенье. В городе отдыхали, а здесь, в колхозе, во всех бригадах шла работа. Балакин, объехав с утра дальние поля, завернул в «Мировой Октябрь». Фамилия председателя здешнего колхоза — Щипачев, а агронома овощной бригады — Луконина...

— Литературные фамилии, — замечаю я, — поэтические...

— А Продовольственную программу без поэзии да вдохновения

трудно выполнить, — улыбается Щипачев, — особенно нашу луковую программу. И вообще в каждое дело надо поэзию вкладывать...

— Ты, Михаил Иванович, чего-то сегодня игривый очень, — говорит Балакин. — Сплошным стихом чешешь...

— Это комиссия мне настроение подняла. Собиралась у нас вчера комиссия из тридцати пяти человек, чтобы состояние луковых полей определить. Вот пусть Нина Петровна оценку выскажет, — кивнул Щипачев в сторону Лукониной.

Оценка была хорошей. Под луком занято всего восемь процентов пашни, а колхозную кассу он держит уверенно. Нина Петровна, показывая свою бригаду, самокритично говорит, что их колхоз по луку не самый ведущий, есть и получше хозяйства. Но в этом году они хотят вырваться вперед. В ее бригаде все звенья на коллективном подраде. У них девять тракторов, сеялки, комбайны. Никого подгонять не надо, люди всей душой ответственность чувствуют, да и сам лучок подгоняет. Он ведь капризен: не проявил заботу — сразу сникает. Одним прополком не меньше трех надо делать, пять-шесть междурядных обработок. А культивации, полив, подкормка? Все лето с ним нянчиться. Но зато уж и сердце радуется, когда он острыми перьями вверх взметнется, когда, вынутый из лунок, лежит на поле, где рос. Лежит лук на земле две недели — на созревании. В это время все соки из пера в луковицу уходят. А увядшее перо потом на специальной машине отминают, сортируют...

— Ручного труда у нас пока еще многовато, — жалуется Нина Петровна. — Машин нужных не хватает, да и устарели они, пора бы изобретателям что-то новенькое придумать. Не дадут нам технику, оставим их без лука...

Нина Петровна семь лет уже агрономит. Она овощевод, училась в Горьком. Муж ее, Валерий, шофер, колхоз дал им трехкомнатную квартиру, два сына подрастают. Народ в бригаде дружный, уважительный. Многому она научилась от Ивана Алексеевича Крайнова. Он хоть и пенсионером числится, но работает, опытный полевод и бригадир, молодежь воспитывает, на партийных собраниях его выступления самые авторитетные. А звеньевые Вениамин Александрович Кузьмин и Конин Иван Петрович! Эти всем механизаторам тон задают. Уж если Конин с вечера трактор налаживает, то и другие, чтобы не опоздать в чем-то, на машинный двор бегут. Он и подскажет и поможет...

За селом Красным мы задерживаемся на поле товарного лука. Участок чистый, борозды ровные, как трубы чугунные, южный ветерок пошевеливает налитые зеленые перья.

— Поближе к осени у нас луковая страда начнется, — говорит Нина Петровна. — Я люблю это время. В Кичанзине, Хватовке, Соловейке и подальше от нашего колхоза — в Абрамове, Слизневе, в Туманове, да по всему району и в самом Арзамасе луком пахнет. Из города шефы приезжают, хлопчут заготовители из райпотребсою-

за, председатели сельсоветов. И кругом лук, бурты целые, связки, сетки, мешки. И колхозный и с участков личных. У нас уж шутка такая ходит, что в луковый страду сопливых не бывает. Иди лук перебирать, любой насморк вылечишь...

Нина Петровна звонко, по-молодому смеется. Потом показывает мне, где находится искусственный пруд с зеркалом воды в четыре гектара. Специально для лука сделали. Арзамасский сорт, если хочешь повыше урожай взять, поливай теплой водичкой, с температурой примерно окружающего воздуха. Немало еще есть «секретов» в овощном деле, которые в ученых рекомендациях не указаны. Иван Алексеевич Крайнов на что уж луковод опытный, но всегда веснами, как только снег сойдет с полей, советуется со стариками: крестьянскую мудрость, накопленную веками, нельзя забывать. И Нина Петровна так делает. Обращаются они всей бригадой и к Михаилу Львовичу Орлову, заслуженному агроному России, персональному пенсионеру, и тот никогда не откажет. И толковую рекомендацию даст, и на поле приедет, чтобы семена посмотреть перед посадкой, землю, инвентарь, беседу проведет с механизаторами.

— У Орлова на лук взгляд государственный,— уважительно говорят в районе.— И вообще к овощу разному...

И правильно, что государственный взгляд. Хорошие дешевые овощи, а картошка и лук в первую очередь — это же какая добавка к хлебу и вообще к питанию. Рынки пока дорогие. Пучок лука, редиска, огурчик, укроп, три морковки, связанные ниткой, травка какая-то — за все немалую деньгу просят. Сидят «купцы» под навесами целыми днями, ждут, не уступят, нервы у них крепкие. Да и ругать их особо-то не следует. Цены сами снизятся, когда всего будет много.

— Арзамасцы уже сбили цены на лук,— горячо говорит Нина Петровна.— Севок на рынке был по семь рублей за килограмм, а этой весной уже по рублю продавали...

На окраине поля мне дали связочку лука, завернутую в бумагу.

— Лучок молоденький, сладкий,— похвалили женщины.— Попробуйте и друзей угостите!..

* * *

Ну, лук я попробовал, а теперь бы, думаю, гуся арзамасского увидеть и домой можно ехать. Хотя бы одного. Лапши с гусиным потрохом просить не надо, а на самого гуся глянуть хочется. Не всех же перевели. Их же так много было. Не так еще давно в деревнях Пятница и Шерстино все луга белели гусем. А раньше прямо из Арзамаса стадами до Москвы гнали. Вот что прочитал я в старых арзамасских воспоминаниях: «В осеннее время на Прогонной улице можно было наблюдать любопытную картину прогона многочисленных стад гусей, по несколько сот в каждом. Гнали их с интерва-

лами через шатки. Этих гусей перед отправкой подковывали, прогоняя через жидку смолу, затем по песку. И все же, несмотря на такую предосторожность и чрезвычайно медленное движение стада, не больше пяти верст в сутки, многие гуси в дороге ослабевали и погонщики продавали их в городе по более дешевой цене, чем жители пользовались, скупая гусей, которые после небольшого отдыха снова поправлялись и жирели...

Сейчас бы уж гуся подковывать не стали. Сумели бы отправить потребителю. Так неужели всех вывели?

— Всех поголовно, — уныло говорит Евгений Иванович Крюков, руководитель РАПО. — Есть в Николье у кого-то с пяток, но не арзамасские...

— Да, жалко... Лук восстановили, и гуся бы неплохо возродить. Герб города обновили бы...

Уже дома, перелистывая арзамасский блокнот, я вспоминал места, которые чем-то славились. Никогда не забыть мне мелких пристаней в районе Камского Устья, где татары продавали черный хлеб грубого помола огромными ковригами и вкусное кислое молоко в глиняных кувшинах. А в селе Черный Затон под Хвалынском были сады сплошь из анисовых яблок. Возами отправляли их на базар. Анисом за версту пахло. А в позапрошлом году в Брянске и Смоленске увидел я кафе «Картофельные блюда». Прекрасно это! А в Арзамасе неплохо бы подавать луковый суп. В Париже, говорят, луковый суп очень ценится. А ведь и чего особенного?..

Как-то рано утром, семи еще не было, зазвенел у меня на столе телефон. Арзамас на проводе, Крюков, председатель совета РАПО.

— Будет у нас гусь! — кричал он в трубку. — Кое-что обнаружили. На Линдовской птицефабрике директором толковый мужик, он сохранил арзамасского гуся. Подем ему в ноги...

Конечно, знаменитый арзамасский гусь возродится. Хочется верить в это. Наши люди все могут. Только толчок верный дай, инициативу разбуди. Нельзя терять все то полезное и нужное, что народом за века создано.

КНЯГИНЯ

Необычное у речушки название — Княгиня. Протекает она между Костромой и Ярославлем, у старинного села Левашово, и, подъезжая к этому месту и увидя щит с надписью, люди начинают пристально оглядываться вокруг, выскивая взором что-то особенное, редкие какие-то красоты. Но все тут неброско и скромно. Небольшая луговинка, на которой пасется привязанный к колышку теленок, переходит в бугор, побуревший от августовского зноя, а за бугром видны плетни огородов, крыши домов, тонкий шпиль колокольни. Незаметна и сама речка. Заросшая тальником и осокой, она словно бы

стыдливо прячется между крутых своих берегов. Скорее уже не княгиня, а сиротинка деревенская...

Мое знакомство с Княгиней началось на топографической карте. Было это вскоре после войны. Нашу дивизию из Германии перебросили в верхневолжские леса. Мы ждали расформировки и занимались учебой. И среди всех предметов был у меня самый любимый — хождение по азимуту. Вечерами, когда стихал гомон в нашем холостяком офицерском домике, я доставал из планшетки карту, расстилал ее по всему столу и выбирал очередной маршрут, со вкусом повторяя разные названия: Лихобразово, Гумнищи, Шайкино, Починок, Дуболомы, Лежебоково, Звон. Вот тогда и попалась мне речка Княгиня. Тонкая змейкой извивалась она в самом верху военной карты, уходя куда-то в леса, к изгибу Волги.

— Княгиня! — произнес я радостно и стал будить Лешку Борисова, дружка своего, лейтенанта.

Вместе с ним мы разработали операцию по уничтожению «вражеского» десанта в районе реки Княгини, доложили комбату и на второй день уже совершали марш-бросок к месту «боя». В ту осень рано заходило. Схваченная ночными морозцами, земля была словно каменная. Со стеклянным звоном лопался под ногами свежий ледок, покрывший лужи и блюдца воды. Кое-где еще не успели срубить капусту, и налитые кочаны ее белели в предрассветной мгле.

Перемахнув ложину, поросшую мелким ольховником, мы вышли к деревне Гумнищи. И сразу же пахнуло на нас дымком топившихся печей. Солдаты притихли. Каждому, видимо, захотелось поскорее домой: ведь так много они уже дорог отшагали. А мне вспомнилось детство, родное село. У нас вот так же, как в этих Гумнищах, стояли за огородами копны соломы, и мы, мальчишки, проделывали в них норы. Жарким летним солнышком всегда пахло в соломенных этих норах...

Двое суток «воевали» мы на Княгине. И не одному мне запала, видимо, в душу эта уютная, задумчивая речушка. Вода в ней была холодная и прозрачная. Одинокие листочки срывались с прибрежных березок и тихо плыли по течению. По овражкам стояли багровые рябины и издали были похожи на пылающий костер...

На Княгине, кажется, в Куликове или в Погосте, останавливались мы и на ночлег. Полупусты и бедны были тогда здешние деревни. Простенькие бледные фотокарточки, вставленные в рамку, всюду смотрели с бревенчатых стен: отец, муж, сыновья... Недавно все они тут жили, и вот их уж нет и не будет никогда. По всему длинному фронтовому пути растянулись их братские могилы. А бабушка Анна, путившая нас в свою избу, продолжает верить, что кто-то из ее родни еще «возвернется».

— Бог-то, чай, есть али нет? — обращается она к нам, собирая на стол. — Видит он или не видит?

Мы с Лешкой насчет бога не распространяемся, а поскорее

развязываем вещмешок. У бабки нет ни куска хлеба. Есть картошка, грибы, огурцы и капуста, а «хлебушек еще на той неделе приели». Из соседнего дома пришла, чтобы поглядеть на военных, семилетняя девочка Наташа. Отца у Наташи убило на войне, мать ее «занаряжена» на месяц на Космынинские болота заготавливать торф, и девочка живет со своей сестрой Олей, которой нет еще и одиннадцать. Приглядывает за детьми бабка Анна: для нее вся деревня — родня...

— Девчонке в школу на тот год надо, — вздыхает бабка, — а у них с Олюшкой на двоих одни подшитые валенки...

У меня было несколько сухих печений, которые выдавали нам на допаяк, и я протянул их Наташе. Она хотела было тут же надкусить одну печенюшку, но передумала и убрала в карман.

— Лучше дома съем, — сказала она, озарив нас милой улыбкой. — Одну Оле дам и одну маме...

Словно чем-то острым царапнуло мне горло. С трудом сдерживая слезы, я погладил Наташу по льняным волосам, и девочка доверчиво прильнула ко мне, на худенькой шее ее билась голубая жилка. И чтобы как-то поскорее отвлечься от нахлынувшей жалости, я стал спрашивать бабку Анну, почему у их речки такое звучное название.

— А тут вот какое дело-то, — обрадованно отозвалась бабка. — Из Ленинграду приезжал к нам ученый кандидат наук, частушки собирать, и всех стариков о нашей Княгине расспрашивал. Это когда же было-то? Меня еще в ту осень патефоном за овощи наградили. За два года до войны, вот когда это было. Он все допытывался, нет ли у нас где поблизости имений, где бы князья да графья раньше проживали. А мужики-то ему и намекают: не с того, мол, конца, товарищ ученый, подход ведешь. Не в честь князев речка названа, а за красоту свою. Тут раньше, когда река-то пошире была, черемухи везде стояли, над самой водой склонялись, будто в зеркало в речку-то смотрелись. Вот тогда и образовалось название. Все так говорят. Я еще от деда своего слышала, а он от своего деда... Всем она нравится, наша Княгиня. Один раз на нее глянешь, и еще захочется...

Правду сказала тогда бабушка Анна. Куда бы ни забрасывала меня судьба, я всюду вспоминал речку Княгиню. Сначала село свое родное перед глазами встанет, и тут же Княгиня покажется, окрестности ее неповторимые. Иной раз проснешься среди ночи в отеле какой-то чужой, далекой страны, и не сразу сообразишь, где находишься, сердце сожмется от тоски, и уже не засыпаешь больше, а просто лежишь и думаешь, представляешь места свои российские, добрых и отзывчивых наших людей. И думы эти, словно лекарство хорошее, успокаивают тебя и приносят радость...

В любое время года при каждой возможности я стараюсь завернуть на Княгиню. А она прекрасна и весной и летом. И особенно в сентябре, в первой его половине, когда всюду здесь роют картошку и тянутся над полями косяки журавлей, висят белые паутинки на пожухлых стеблях

придорожной полыни. И в Левашове, в Подсосенье, Хмелицах, Ядрове обязательно похвастают, что именно в эту пору любил здесь погулять с ружьишком поэт Некрасов. И хотя об этом нигде письменно не сказано, но веришь на слово. А может, и впрямь охотился великий поэт на Княгине?

Многое в здешних местах изменилось и продолжает меняться. В Левашове теперь крупный совхоз, всюду стоят новые благоустроенные здания. Кормит совхоз горожан овощами, цельным молоком, хлебом. Теперь на Княгине нет, пожалуй, ни одного дома, где бы не стоял телевизор, дорогая обстановка, и когда кто-то рассказывает про ту послевоенную полуголодную жизнь, которую застали знакомые мне бабка Анна, Наташа, ее сестричка Оля и другие жители, то молодые ребята и девушки, слушая это, вроде верят и не верят. Конечно, им трудно понять, когда они сыты, модно одеты, ходят в Дом культуры, какого и в ином областном городе нет. Здесь свой музыкальный ансамбль, любительская киностудия «Жаворонок», хор, разные кружки...

Но есть на Княгине и потери. Река заметно обмелела, пооголились ее когда-то пышные берега, рыбы стало меньше. Последнюю, обезумевшую от одиночества щуку, шутят жители, в прошлом году «изловила» корзиной старуха из Васенина. Пошла стирать белье, стала ополаскивать корзину и вытащила ее со щукой...

В середине этого лета что-то разладилось у меня настроение, не шла как надо работа, и решил я на выходные дни махнуть на Княгиню. Прошли теплые грозовые дожди, и травы стояли в пояс. Прихватывая рукой шершавые маковки конского щавеля, тихо шагал я вдоль реки к лесу. Ветерок весело играл с листьями молодых осин. Увязался было за мной в низинке тибис, пожаловался, что пить хочет, и улетел к болоту. Голубые головки колокольчиков как бы кланялись солнцу. Буйное ароматное разнотравье пестрым ковром покрывало все равнины, склоны овражков и перелески. Тяжелые пчелы деловито гудели над лепестками ярких цветов. Мне казалось, что луга уже перестояли и пора бы косить, но встретившийся за старой вырубкой пастух пояснил:

— Подождать надо с неделку, семена-то, вишь, с травы еще не осыпались...

Перед опушкой ольховника, раздвигая руками густую непролазь, спустился я к реке. В лицо пахнуло прохладой, запах черной смородины и багульника забивал все другие запахи. Дно тут было устлано камешками, и журчала, струилась по ним хрустально-чистая вода. Я разулся и перешел речку. Глубина на этом перекате и до колена не доходила. Возле самой тропинки чернели следы костра. Вечером кто-то варил здесь уху или просто ночевал у огонька. Я присел на поваленное дерево и снял рубашку. Тишина звенела в ушах. И вместе с этим монотонным звоном текла возвышенная музыка. Но это просто так казалось, как в этих вот стихах:

И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Я слушал тишину и ощущал благодатное успокоение. Оно как воздух вливалось мне в душу. И отпадало все мелкое, наносное, обиды несправедливые. Отсюда, с этой маленькой речушки, как бы по-другому все выглядело — значительнее, чище и глубже. Это — чувство Родины. Святое оно и великое. Трудно без него по-настоящему жить.

В ГОСТЯХ У КУМЫКОВ

Вот уж точно, что лучше гор могут быть только горы. И не так уж высоки они здесь, вблизи Атлыбоюнского перевала, но глаз от них все равно не оторвать, от каждой скалы веет историей и легендами. Вон там, у подножия, раньше меняли лошадей, стоял духан у ручья, постоянный двор. А рядом, за грядой колючего кустарника, старое мусульманское кладбище. Над опавшими могилами длинные, как клинья, покосившиеся плиты с арабской вязью. Что там высечено, на этих камнях? Кто лежит под ними? Когда думаешь про все это, будто бы звон клинков слышишь, нетерпеливые гортанные выкрики отчаянных горцев...

Но вот еще один виток завершен, и взору открываются новые неповторимые виды. Освещенные солнцем вершины кажутся совсем близкими. А то вдруг над самой дорогой нависнет громада скалы или зачернеет пасть ущелья, и холодок страха так и полоснет по сердцу, когда глянешь в его бездонную глубину. На равнине, у Махачкалы, выпавший снег давно растаял, а здесь еще лежит местами, особенно на пологих скатах, и между этими снежными островками, по буро-зеленой траве, бродят разномастные стада. Возле первого же стада нас поприветствовал молодой пастух. Он был в высокой черной папахе и в плаще-болонье, а на шее у него болтался транзисторный приемник. Завидя нашу машину, пастух поднял длинную палку и помахал рукой.

— Он что, знакомый? Тоже кумык?

Мой вопрос как бы повисает в воздухе. Ни Мутагир Даниялбеков, работник обкома партии, ни водитель по имени Камиль не дают ответа, оба мумро помалкивают, словно я допустил какую-то неловкость. Потом Мутагир поворачивается ко мне и говорит с ноткой обиды:

— Зачем, понимаешь, кумык? Почему обязательно кумык? Дагестанец тот пастух! Просто дагестанец, и все! У нас в Дагестане все друг с другом здороваются! За километр, понимаешь, здороваются, как брат с братом!

И Мутагир и Камиль — кумыки. На их родину, в кумыкские селения, мы и едем сейчас. Я давно хотел побывать в гостях у кумыков, но все как-то не получалось. И вот теперь, в эту осень, в год шестидеся-

тилетия нашей державы, я специально поехал в Дагестан. Бывал я в этой чудесной республике и раньше, много у меня здесь друзей, и когда они узнали, что я собираюсь в горный аул, расстелили на столе подробную карту: выбирай! Вот тут рутульцы живут, тут аварцы, земляки Расула Гамзатова, а сюда, левее — лезгины, агулы, лакцы, даргинцы, таты, цахури и ногайцы...

— Агулы — вот к кому надо ехать! — предлагали друзья. — Их всего одиннадцать тысяч, вместе с детьми и стариками!

— Зачем путаешь человека? — горячились другие. — Цахури наполовину меньше. Товарищ Мамедов Шахбан — цахурец, он у нас министр сельского хозяйства. Сейчас Гирей-хан позвонит товарищу Мамедову...

— Только к кумыкам, — прошу я. — У меня приглашение от Магомеда.

— От Магомеда? А как фамилия?

— Не помню... Кумык Магомед, и все...

— Хе, кумык Магомед! Да у них каждый третий мужчина — Магомед, а каждая третья женщина — Патимат. Ищи ветра в поле, как говорите вы, русские...

Пришлось рассказать им историю приглашения. У нас в батальоне был ездовой. Звали его Магомед. Мы знали, что раньше он воевал в полковой разведке, был ранен и сам после госпиталя попросился в хозяйственный взвод, чтобы не разлучаться со своей частью, не угодить в тыл. Магомед все очень любили. Он никогда не сидел без дела, умел шить сапоги, укорачивать шинели, вырезать из белой жести маленькие звездочки на погоны. А нас, двух девятнадцатилетних лейтенантов, только что выпущенных из училища, он как-то по-особому, по-отцовски, что ли, уважал. На переформировке перед форсированием Одера Магомед сшил мне и Диме Фролову по планшетке с целлулоидным верхом. Очень тогда они были модными, эти планшетки. Висит на боку до самых колен, и карта видна сквозь целлулоид и девичье личико, вырезанное из «Огонька», если фотокарточка не было. Как-то Магомед привез в нашу роту патронные ящики, термосы с горячей едой, и Дима хотел вручить ему какую-то вещичку — подарок за планшетки. Ох, как обиделся Магомед! Припадая на одну ногу, он стал бегать вокруг повозки и лошадей, размахивать руками.

— Ай, как нехорошо поступаешь! — насканивал он на Диму. — Какой позор на мою бедную голову! Какой позор!

Еле успокоился солдат. И на этот раз мы узнали от него, что он из Дагестана, по национальности кумык.

— Приезжайте в гости на мою родину, вот и будет мне от вас подарок, — сказал Магомед, улыбаясь. — А если я не останусь в живых, кумыки вас встретят! Напомните им, что Магомед пригласил... Фронтовых кунаков своих...

Под Бранденбургом мы сдерживали эсэсовские части, рвавшиеся за Эльбу. Бои тогда были жесточайшие. Там погиб мой друг Дима Фролов. А Магомеда тяжело ранило. Он со своей повозкой наскочил на кинжальный огонь вражеского пулемета. Упали скошенные пулями кони, а Магомед, истекая кровью, залег с автоматом в кювете и не пропустил фашистов. Подобрали его вечером солдаты моей роты. Фельдшер говорил потом, что всех раненых отправляли тогда в армейский госпиталь, в город Бух...

И вот я еду в гости к кумыкам. По приглашению Магомеда. Один еду, без Димы Фролова. А остался ли жив Магомед, не знаю...

Едем мы в аул Эрпели. Почему в Эрпели? Это Мутагир посоветовал. Эрпели — типичный кумыкский аул...

Перевал остался позади, дорога выровнялась. Но на горизонте вскоре замаячили другие горы, уже высокие, со снежными шапками вершин. За теми горами — Грузия. А по обеим сторонам шоссе раскинулись поля, то зеленеющие озимыми всходами, то черные, перепаханные, с буртами удобрений на межах. Слева показался аул Новый Кумух. Он и в самом деле новый, вырос недавно. Вернее, еще продолжает расти. Сюда переселяются люди из мест, пострадавших от землетрясения. Мутагир говорит, что их тут дважды крепко трянуло. Домов немало развалилось, а в одном месте земля дала такую трещину, что там бесследно исчезла отара овец с чабанами. На помощь Дагестану тут же вся Россия пришла, вся страна. И город Буйнакск и другие селения украсились улицами новых домов, целых кварталов. У нас в беде никого не оставят. Ведь мы одна семья. Семья советских народов...

* * *

Кумыки живут по всему Дагестану, но больше всего их все-таки здесь, в Буйнакском районе. И мы немножко задерживаемся в самом райцентре. Не так давно Мутагир работал тут секретарем райкома партии и знает город отлично. Я осматриваю строящийся Буйнакск и одновременно заглядываю в лица солидных по возрасту мужчин: а вдруг Магомеда встречу? Я бы его, пожалуй, узнал, как бы ни изменило человека время. По взгляду бы узнал, по улыбке...

Темир-Хан-Шура — так назывался раньше Буйнакск. Это был приземистый запущенный городишко. Уллубий Буйнакский, первый председатель Дагестанского ревкома, расстрелянный денкинцами, оставил городу свое имя. В первые годы Советской власти здесь была столица Дагестана...

— А сейчас наша столица, кумыкская, — с гордостью говорит Мутагир. — В городе пятьдесят тысяч населения, это культурный и промышленный центр. Но главное у него еще впереди...

Мутагир и по дороге на Эрпели нахваливал свой Буйнакск. И только уж когда показался окруженный горами аул, он переместил свои похвалы на Эрпели. Да и трудно было воздержаться от похвал

и восторга: аул, словно большая продолговатая чаша, уютно лежал в глубокой котловине. Сами собой вспомнились мне стихи Александра Полежаева, русского поэта, сосланного царем в солдаты. Давно это было, полтора века назад. Полежаев служил в этих местах. Одна из крупных его поэм так и называется — «Эрпели».

Я расскажу им в час досужный
Об эрпелинской красоте
И эпизод довольно нужный
Не пропущу о баранте,
Кафир-Кумыке, Казанищах,
Где был второй наш батальон...

Слово «эрпели» переводится как «мужина с воинствующим духом». Что-то в этом роде. Здесь крупный совхоз. Мы подъезжаем к зданию конторы. Встречает нас директор, эlegantный моложавый человек. Лицо умное, энергичное, от всего его вида веет устоявшейся интеллигентностью.

— Акаев, — говорит он и протягивает смуглую натренированную руку. — Акаев Магомед-Камиль. Извините, но у нас бывает и по два имени. А вообще я Камиль, так меня больше знают...

— А я буду называть Магомедом, можно?

— Ну, пожалуйста, не возражаю...

Что-то есть в его глазах от того Магомеда, нашего фронтового кунака. Или мне просто кажется. Камиль Акаев местный, эрпелинский. Его отец был здесь председателем сельсовета, секретарем партийной организации. Он создавал колхоз, в него неоднократно стреляли бандиты, запугивали. Но Камамутдин Акаев не дрогнул. И никогда не дрожал, не искал легких путей, так и умер партийным бойцом, уважаемым человеком.

А Камиль был немного учителем, окончил университет, высшую партийную школу, преподавал в Махачкале, в сельхозинституте, историю партии, работал в республиканских учреждениях. Он был уже настоящим городским жителем. Но всегда снился ему родной аул, хотелось там жить и работать. И когда отец умер, он решил твердо: возвращаюсь. И принял в Эрпели совхоз. Узнав об этом, кое-кто из его приятелей попытался предостеречь:

— Ой, Камиль, впрягаешься ты в такую арбу, которая тебя вниз затянет. Сельское хозяйство, дорогой, это тебе не кафедра и не кабинет с тремя телефонами. И не такие скакуны на полдстанции пыл охлаждали...

А совхоз и впрямь был не из легких. Под три тысячи гектаров пашни, двенадцать тысяч овец, большое дойное стадо, сады, овощные плантации. И все это было основательно подзапущено, долги сплошные, убытки. Акаев с себя начал: всегда подтянут, с утра до ночи в делах, строг, но справедлив, честному работнику — все почести, а лентяй, ловкач, извини, не обижайся. Земляков своих он знал,

опирался на лучших людей, на коммунистов и комсомольцев. Да и комиссар толковый ему попался, партийную совхозную организацию вел уверенно и правильно. И звали его тоже Камиль. Камиль Ахаев. Директор — Акаев, а секретарь парткома — Ахаев...

Всего пять лет возглавляет Камиль Камалутдинович совхоз, а уже в углу его кабинета два знамени, и одно из них из Москвы, Российское. Такого знамени в Эрпели еще никогда не бывало. Дали его за показатели прошлого года. Совхоз и хлеба дал много, молока, мяса, шерсти, огурцов, помидоров, яблок, груш, черешни. И в этом году все планы выполнены. Люди работают, ищут что-то новое. На реке Шура-Озень водоем сделали, и в то же лето овощи пошли на поливе. Да еще какие! Весь район завидует. Сады новые заложили. Эрпелинская черешня — нет ее вкуснее. Трудно, конечно, все дается, за эти пять лет Акаев заметно поседел. Вообще-то рановато бы, ведь ему немного за сорок. Но уж натура такая: за все переживать душой и сердцем. В год засухи и бескормицы, когда овцы и коровы полуголодные метались по загонам, он не находил себе места, добывал охажками солому, по горам лазил, выскивая новые пастбища. Да нашлись еще такие люди, которые несправедливо обвиняли его, писали жалобы, анонимки, комиссии приезжали разбираться. Тут не только поседеешь, а польсеешь...

— Приехал он сюда черным, а стал серебряным, — шутит Мутагир. — Слушай, Камиль, а тебе идет эта благородная седина. Она украшает джигита...

— Мне идет, а жене не нравится. Может, по аулу пройдемся, по хозяйству? Вот и наш мэр появился, товарищ Алхасов, председатель сельсовета. Веди нас, направляй, ты Советская власть...

Эрпели — аул крупный, здесь средняя школа, детсад, Дом культуры, шесть магазинов, больница, баня, узел связи. Дома ухоженные, в каждом дворе по одной или две коровы, много и другой живности. Заходи в любую семью, угостят чем хочешь. Люди ни в чем не нуждаются...

— Машин и мотоциклов надо завозить побольше, вот что требуют, — вздыхает председатель сельсовета. — И вообще хороших, дорогих товаров...

Ходим мы по аулу и то и дело отвечаем на приветствия. Людно тут, весело, молодежи много. И определить трудно, местная это молодежь или городская, приехавшая по случаю выходного дня: одеты все модно, красиво.

— Наши все, эрпелинские, — поясняет Камиль. — На танцы идут. Сегодня вечер в Доме культуры...

На стене одного из домов объявление. Мутагир и Камиль переводят мне его: у нашего сына Закариа — счастье, он женится, приходите, люди, на свадьбу, все приходите!

— Значит, любой может поднять чарку за молодых? Приходи и садись?

— Конечно, для любого двери настезь открыты,— говорит Камиль.— У нас, у кумыков, так принято. Больше народу соберется, значит, Закариа — хороший человек, все его почитают...

На узенькой улочке нас во двор позвала полная женщина. Зовут ее Пазилят. У нее хинкал и халпаша готовы, лепешки горячие: отведайте, сделайте такую милость. Вытираем о половичок ноги, заходим в первую комнату. Старик Бижам Хисбулатов носит на руках правнука Арсена и что-то напевает. Сто два года Бижаму-ака, а поди-ка дай. Он невысок ростом, подвижен, все ясно помнит. Внуков у него не счесть. Всех специальностей: животноводы, врачи, шоферы, учителя, студенты. Как съедутся — стекла звенят от голосов. И каждый хочет что-то приятное сделать деду. А врачи пытаются его проследовать, лечить, диагнозы ставить. Дед отбивается от них, а они расстегивают рубашку, кровяное давление измеряют.

— А я сам себе доктор,— посмеивается Бижам,— меня горы всю жизнь лечили, солнышко и воздух...

Он говорит то по-русски, то по-кумыкски, вспоминает прошлое. Раньше кумык вон за ту гору перевалит, пройдет по склону Мадигин и будто бы на краю света побывал. А сейчас кумыки везде есть, может, даже на Сахалине. Они ничего не боятся. Советская власть глаза им волшебной водой промыла. Так хорошо и дружно они еще никогда не жили. Мне не верите, спросите у других эрпелинских стариков, которым за сто лет перевалило. Таких у нас немало. Да и молодые, девяностолетние, все помнят. Вон хоть Темирханов Мама, ему всего под восемьдесят. Мы с ним в молодости отары в горах пасли, от волков отбивались. Я-то чабан маленький, а он большой. У них весь род чабанский. У Мамы детей много, жена его мать-героиня. Это хорошо. Старший сын его Магомед ветеринарную академию окончил, Гамзат — университет, Нурбек тоже университет оканчивает, Абдурахман поступил в сельхозинститут, Амин еще в армии служит, дочки Гюльяр, Нюрбике и Гюльбике — все с дипломами. Когда это у кумыков такое бывало, а? Молодые сейчас горя не знают, им кажется, что всегда так было. Нет, дорогие мои, раньше мы этого не видели, каймак только по праздникам ели, да и то не все...

Мы бы еще посидели у Бижама Хисбулатова, да директора позвали в контору. Отары эрпелинских овец пасутся сейчас в калмыцких степях, и там что-то случилось, депеша была, надо выяснить, принимать решение. И вообще хозяйство большое, помимо Эрпели, есть еще один аул, Экибулак, он за сорок километров. И обо всем надо знать директору, где и как дела идут. Помощники у него надежные, в основном молодые, все вроде отлажено, но у Акаева такое уж правило: доверяй, но и проверяй...

А вечером нас пригласили на ужин. Хозяйка Абидат подавала кушанье за кушаньем, и когда она исчезала на кухню, то Мутагир и Камиль говорили мне тихонько с обеих сторон:

— Не знаем, как у русских, а у кумыков надо все до конца есть, а то Абидат ой как обидится. Аул и хозяйство завтра досмотрим...

Мы засиделись допоздна. Камиль Акаев и Арсали Алхасов рассказывали о совхозе, об улучшении Эрпели, о планах на будущее. Между прочим, здешний сельсовет лучший в республике. Директор совхоза возглавляет в ауле депутатский пост. Речь Акаева и Алхасова постоянно пересыпалась фамилиями лучших людей. Они просили меня записывать эти фамилии.

— Надо обязательно Атаева Ильмутдина и Патимат Джалилову отметить, — говорил Камиль. — Ай, какие работники!

— А Магомеда Алиева и Салава Баданаева? Почему их не называешь? — подсказывал Алхасов. — Лучшие, понимаешь, чабаны, машины «Жигули» в награду получили...

А я вспомнил своего фронтового товарища Магомеда. И мы выпили за него. Абидат платочком вытирала слезы. Наверное, кто-то из ее родственников не вернулся с войны. Да мало ли их там осталось. Больше двухсот фамилий выбито на эрпелинском солдатском памятнике...

— Пусть никогда не будет этой проклятой войны, — сказала Абидат. — Только по телевизору пусть ее показывают, чтобы молодые знали, что это такое...

И о детях своих мы поговорили. У Камилы их двое: Динара и Камалутдин. Камалутдин — это в честь деда. Во второй класс мальчишка ходит. А Динара уже в институте, на первом курсе. Живет в Москве, в комнате общежития с двумя девушками-узбечками. Вот институтскую газетку прислала. Заметка там у нее, «Мой Дагестан» называется. Мягко, по-доброму щурится Камиль, когда о своей любимой дочке говорит. Дочь — это украшение отца...

Потом муж Абидат раскрыл окно. С улицы доносились смех и песни. Это, видимо, парни и девушки возвращались с танцев.

* * *

Вернувшись в Махачкалу, я гулял по улицам и площадям, а видел аул Эрпели. Вот и побывал я, дорогой мой фронтовой друг Магомед, на твоей родине, в гостях у кумыков, земляков твоих. Не так уж много за это короткое время успел я увидеть, но и этого достаточно, чтобы понять главное: народ твой, Магомед, добрый и работающий, вас, кумыков, всего двести тысяч, но вместе со всеми советскими народами вас больше двухсот миллионов...

А по утрам в гостинице я слушал местное радио. Идут здесь передачи и на кумыкском языке. И мне приятно было, когда я понимал отдельные слова. Аш — это хлеб, сув — вода, ерь — земля, а чюн — солнышко. Пусть ясное, веселое солнышко всегда светит над всеми нашими народами, над всей великой державой нашей...

ВСЕГДА БЫЛО КРАСНЫМ...

Уютный небольшой скверик примыкает к бульвару. Высоких деревьев здесь нет, и вся площадка с клумбой посередине залита ласковым утренним солнышком. От скамеек и от чугунных старых решеток свежо и празднично пахнет краской. Из-за Волги, от луговых широких равнин, набегает прохладный речной ветерок. И как-то покойно, умиротворенно и ясно на душе: такое чувство всегда испытываешь в эту пору весны, в преддверии Первомая...

Перелистав купленные в киоске газеты, я сижу на скамейке и смотрю на оживающий бульвар. Во все стороны, по малым и большим улицам растекается людской поток. Это Сормово. Официально один из горьковских районов, но одновременно как бы и отдельный город. Исстари так идет. И не только основной здешний завод «Красное Сормово», но и весь район зовут Красным.

— А скажите-ка, ребята, — обращаюсь я к юноше и девушке, стоящим у киношной афиши, — когда ваше Сормово стало Красным?

Они задумались, посмотрели друг на друга, пожали плечами, а потом девушка ответила:

— Наше Сормово? А оно всегда было Красным!

— Конечно, всегда! — уверенно добавил парень.

А ребята в общем-то правы: Сормово действительно всегда было Красным. Красным по сути своей, по убеждениям, по борьбе за рабочее дело. Уже тогда, больше ста лет назад, когда на месте волжской деревеньки Сормово построили судостроительный заводик, здесь в первые же годы стал проклевываться, набирать силу непокорный революционный дух. Вчерашние забытые мужики, полукрепостные, мастеровые с нижегородских окраин, слившись в единую рабочую семью, на грубую несправедливость хозяев все смелее и смелее поднимали свой голос, требовали улучшения жизни. А жизнь их была ужасающей: работали по шестнадцать часов, не выходя из цеха, за грошовой получкой надо было стоять в очереди, «вырывать» ее с боем, с криком, с руганью. Обедали прямо у станков, в основном куском хлеба, потому что нечего было приносить из дома. Да и самого дома у многих не было, ютились где придется, в тесноте, в грязи. Это в те времена распевалась сочиненная рабочими частушка:

Сормовска больша дорога
Вся слезами улита...

Алексей Максимович Горький в своем знаменитом романе «Мать» опишет потом жизнь Сормовской слободки. Он здесь часто бывал, дружил с рабочими, знал о всех стачках и революционных маевках. Прообразами Ниловны и Павла Власова послужили ему Заломовы, Анна Кирилловна и Петр Андреевич, замечательные русские люди,

борцы за народное счастье. Все вроде бы о них известно, знакомы они со школьной скамьи, но мне захотелось еще раз увидеть их облик, чтобы лучше понять то старое время, время моих дедов и бабушек. Даже на фотографиях выразительны и живы их изображения. Анна Кирилловна в кружевном темном платочке, на кофточке, слева, три беленькие пуговицы, а в открытом ее, чуть скуластом, большезлазом лице столько воли, интеллигентности и благородства, что трудно поверить, что она из самых низов, не обученная грамоте, простолюдинка, как тогда называли. Очень похож на свою мать Петр Андреевич: тот же броский разлет бровей, ум и смелость во взгляде. Я пристальнее вглядываюсь в их лица и как бы слышу топот кованых солдатских сапог по булыжной мостовой, вижу майское красное знамя, несомое Петром Заломовым, колонну сормовских рабочих, вскинутые им навстречу винтовочные штывы...

Неузнаваемо изменилось Сормово, не сразу теперь найдешь те места, где проходили маевки и возвышались баррикады. Только названия окраинных улиц и переулков звучат по-прежнему: Формовочная, Наждачная, Дизельная, Обрубная, Котельный, Кровельный, Чугунный... И еще многие фамилии остались неизменными: Курицыны, Третьяковы, Чкаловы, Кокушкины, Вяловы, Удаловы, Загребинны... Их десятки, этих потомственных фамилий, целые династии. Через столетие, от отца к сыну, от деда к внуку, пронесли они рабочую гордость, мастеровитость, любовь к родному заводу. Они и сейчас идут впереди, они пример и совесть всего Красного Сормова...

Некоторые из этих знаменитых фамилий мне знакомы с раннего детства. Наше село не так уж далеко от Сормова — и тридцати километров нет. И несколько человек наших, бугровских, в том числе и моих родственников, были сормовичами: работали здесь и жили. Иногда они приезжали на побывку, и мы, пацаны, окружали их, слушали рассказы о заводе, о парокходах, которые там делали. С замиранием сердца прикладывали мы по очереди ухо к ручным «кировским» часам, чтобы послушать, как они тикают, нажимали на звонки велосипедов. Наши земляки были ударниками и получали такие редкие по тем довоенным временам вещи, как премии и награды. Мы очень любили их, своих бугровских сормовичей. Они и с виду уже были другими, притягательно пахло от их костюмов железом, заводом и вообще городом. Гостили и мы в Сормове. До Мызы, бывало, дойдешь пешком, а потом на двух трамваях, да еще на речном трамвайчике по Волге. Вот там, в рабочих семьях, и слышал я фамилии тех именитых сормовичей...

А в начале войны, когда взрослые ушли на фронт, выпало мне счастье поплавать на сормовских парокходах. Были такие самоходные баржи «Карелия» и «Якутия». Вот на них и работал я две навигации судомотористом. Мы везли хлеб и цемент, запасные части, людей, которые успели уйти «из-под фашиста». После вахты я выходил на

верхнюю палубу и подолгу смотрел на волжские берега. Ровно постукивают внизу мощные двигатели, катится от берегов крутая волна, а слева, на капитанской рубке, поблескивает на солнце начищенная старательным боцманом медная дощечка с крупными буквами: «Завод «Красное Сормово»...

* * *

— Самоходные баржи? «Карелия» и «Якутия»? Сейчас мы такие не делаем. Сейчас наши суда из рек в моря плавают, а из морей в реки...

Николай Ефимович Леонов говорит, ударяя по-горьковски на «о». Не очень сильно он ударяет, но я улавливаю.

— Вы из деревни родом?

— А что? — улыбается Леонов. — Неужели еще заметно?

— По внешнему виду нет, конечно, — министр, а по разговору есть маленько...

— Значит, земляк земляка слышит издали! — переиначил он немножко поговорку. — Да, село мое поблизости...

Николай Ефимович — директор завода «Красное Сормово». Ранняя седина подчеркивает молодость его энергичного лица. Он мальчишкой после семилетки пришел из колхоза в Горький, выучился сначала на техника, потом на инженера. Здесь, на заводе, он уже давно. И директором «такой махины» стал не сразу, все стадии прошел. А теперь вот и сын его здесь же, на заводе, инженер-механик. А жена судостроитель. И дочь на завод собирается. По традиции, в общем, по-сормовски...

В кабинет зашел Юрий Алексеевич Еремин, секретарь парткома, положил на директорский стол бумагу: соображения по первомайской демонстрации — кто заводское знамя понесет, кто правофланговым в сормовской колонне будет. Заводское знамя с ленточками пяти орденов стоит у передней стенки. Рядом с ним еще четыре знамени. Они получены за ударный труд, за высокое качество продукции...

Директор положил передо мной два красочных альбома: посмотри, мол, пока, что завод выпускает, а потом по некоторым цехам пройдемся. Переворачиваю широкие тяжелые листы с изображениями разных сухогрузов, землечерпалок, теплоходов, катеров, буксиров, плавучих кранов, доков, крылатых «ракет», «вихрей», «метеоров». Изящны они, красивы. Особенно крылатые суда, которые родились здесь, на «Красном Сормове». Как стремительно, поднимая белые буруны за кормой, носятся они по многим морям и рекам!..

А в другом альбоме увидел я фотографии сугубо «народной» продукции: стиральные машины, сковороды, крючки для дверей, скобы, шкафы платяные, пружины, задвижки...

— Да, и сковороды надо делать, — поясняет Николай Ефимович уже в заводском дворе, куда мы вскоре вышли. — Все важно, коль человека касается, мелочей нет. Мы вон свое новое подсобное хозяй-

ство разворачиваем, почти две тысячи га земли нам дают, десять тысяч свиней будем выращивать. Крестьянский цех завода! Вот так!

Спустившись по крутой лестнице, попадаем в маргеновский цех. Здесь все гудит и клокочет, бьет в глаза белое пламя. Встречает нас Виктор Александрович Краснобаев, старший мастер. На появление директора он, как говорится, даже «ухом не повел», поздоровался с ним, как с ровней. Мне это понравилось: значит, директор частенько здесь бывает, все ему знакомо. Только что закончилась скоростная плавка, сталевары Александр Прошин и Иван Марьянов выдали металл почти на полчаса раньше.

— А как это можно? Ведь при определенном градусе...

Краснобаев аж просиял, тронутый моей наивностью:

— Еще как можно! Прошин и Марьянов — виртуозы! Уплотняют все операции: загрузку, подготовку, тепловой режим держат. Умеют! А таких в цехе — каждый второй!

— Ну ты не очень тут оправдывай свою фамилию, — шутивно хлопает Краснобаева по плечу директор.

Николай Ефимович перебрасывается с Краснобаевым какими-то сугубо техническими фразами, и мы идем дальше. В огромных цехах почти не видать людей: многое тут автоматизировано, тяжелого труда нет. И всюду хорошо оформлена наглядная агитация: дневники соровнования, призывы, портреты победителей, сатирические листки...

— Вон корпус, видите? — показывает директор рукой. — Там у нас гудок установлен. Вернее, оставлен от старых времен. Два раза в году он гудит. В апреле, в день коммунистического субботника, и зимой, в наш юбилей. Все Сормово замирает от знакомого басовитого звука. Старики слез не сдерживают. Да и не только старики. По себе знаю... Что-то тревожное и радостное так и терзает душу...

Я хорошо понимаю директора. Понимаю и тех стариков, которые слез сдержат не могут. Гудок будит их рабочую гордость, напоминает о прожитом, зовет к спайке, к новым большим делам. Великое это чувство, святое. Недаром здесь, в Сормове, так почитаются рабочие династии. От отца к сыну, от деда к внуку. Все воспитание ведется под этим углом. Вот поэтому на заводе и мало текучки. Люди держатся за свой завод, как за дом родной. Ни на одном горьковском предприятии нет столько коммунистов с полувекowym стажем, как на «Красном Сормове». Это ленинская гвардия, золотой фонд завода, нравственная его сила. Это они, Яков Карпович Кокушкин, Шишкин Степан Александрович, Александр Степанович Годяев и десятки других старых коммунистов, в гражданскую войну по заданию Ленина делали здесь бронепоезда, небольшие танки. На борту первого танка была надпись: «Борец за Свободу тов. Ленин». Это они, бойцы ленинского закала, обучили сотни молодых парней, сделали их настоящими сормовичами. Вот такими, как эти судосборщики, доводящие до «последней точки» очередное судно. Оно стоит на

площадке, возвышаясь своей красивой громадой. На корме обозначено имя его: «Николай Кузнецов».

— Сухогруз на три тысячи тонн,— любуюсь теплоходом, говорит директор.

— А когда спуск на воду?

— Через семь дней. Но он уже готов. Будет приписан к Херсону. За шесть с половиной месяцев сделали его, а по срокам полагается девять. Ребята ударно поработали, молодцы...

Внутри судна и на палубах постукивают молотки, сборщики в основном молодые, в ярких оранжевых касках, подчищают остатки. Бригадир Герман Беляшов и мастер Сергей Ильин перепроверяют каждый узел, поторапливают рабочих. Хочется им, чтобы ни малейшего замечания не было, чтобы в день спуска теплохода на воду, в самый волнующий праздник для судостроителей, директор, секретарь парткома, мастера-наставники сказали о них добрые слова. Загремит музыка, ударится о стальной борт бутылка шампанского, всколыхнут затон разноголосые радостные крики, кто-то обязательно подкинет вверх свою промасленную кепку, и осядет новое судно на волжскую воду, поплывет в реки и моря. И сормовская заводская марка будет служить гарантией, что теплоход долго и надежно будет работать на людей...

* * *

В конце дня в заводском парткоме я встретил Александра Петровича Удалова, Героя Социалистического Труда. Он больше сорока лет проработал в судокорпусном цехе и мог бы сейчас, получая приличную пенсию, отдыхать, ловить рыбу, собирать грибы под Балахной, где расположена замечательная заводская база отдыха. Его и врачи уговаривали: возраст, мол, фронтовые годы сказываются, прежние невероятные нагрузки. И он было поразгрузился маленько, засел на недельку дома, но почувствовал себя еще хуже. И лечить его пришли не врачи, а дружки-ветераны:

— Ты чего это, Саша, захандрил? На Удаловых это не похоже...

И Александр Петрович, чище обычного побрившись, ушел вместе с друзьями на завод и на второй день уже работал мастером-воспитателем в местном ПТУ. Нагрузок разных у него вскоре стало еще больше. Он и лектор, и председатель заводского комитета ветеранов войны, и от парткома у него всегда поручения. И ничего, хорошо себя чувствует...

А сейчас в партком к Еремину он зашел, чтобы свою радость разделить: сына Михаила в партию приняли. Недавно вроде был просто Мишкой, и вот уже инженер-кораблестроитель, коммунист.

— Несется время! — вздыхает Удалов.— У меня уже четыре внука, два парня и две девки...

— Внуки прибывают, а сам, гляжу, молодеешь,— говорит Еремин.

— А так и должно быть. Внуки всегда молодят. А вокруг меня сейчас сплошь молодежь. А с ними и я молодой...

Мы выходим с Алесандром Петровичем на улицу, чтобы прогуляться по вечернему Сормову. Тихо шагаем по широкому проспекту, вспоминаем прошлое время, знакомых ветеранов. Вот Семена Сергеевича Загребина уже нет, и сын его Сергей приболел что-то...

Лет пятнадцать назад я бывал у Загребиных. Как раз в канун Первомая это было, и Семен Сергеевич собирался на демонстрацию. Сын его Сергей работал тогда заместителем секретаря заводского парткома по идеологии. В войну он добровольно ушел в армию, был заброшен в тыл врага, сражался в партизанском отряде в Серболовских лесах, на Псковщине. На завод вернулся с орденом Ленина и с женой-псковичкой. Сейчас у Сергея уже свои дети выросли, внуки есть. Так что крепок род Загребиных, по-прежнему на виду эта фамилия...

Мы возвращаемся на площадь, которая подступает к заводским управленческим зданиям.

— Вот здесь мы на маевку собираемся,— говорит Александр Петрович.

— На маевку?

— Да, у нас многие так и называют этот праздник по-старому — маевка. Колонны тут строятся. Немного уж осталось. Скоро пойдем...

Я оглядел площадь и зрительно представил себе, как заполняется она нарядным народом. Кругом улыбающиеся лица, дети на отцовских плечах, полощет ветерок полотнища кумачей, а из репродуктора доносятся слова праздничного майского приказа:

— Сегодня заводское знамя понесет...

Буря аплодисментов глушит называемую фамилию. Это очень почетно — нести через все Сормово, через весь город орденоносное прославленное знамя. Вот оно уже впереди колонны, взметнулось над головами его древко. За знаменем, в первых рядах ветераны. Горят на их груди ордена и медали. На целый километр растянулась колонна. Идет рабочее Сормово. Легендарное дружное Сормово, которое всегда было красным.

ПЕРО УДОДА

Повесть о маленькой девочке Сся

Посвящается Оле Грибовой — моей внучке

Сначала мама поцеловала Олю, потом тетю Лену, свою старую подругу, и, волнуясь, посматривая на часы, сказала торопливым, изменившимся голосом:

— Ну ничего, доберетесь... Тут и езды-то всего ночь одна. Спать сейчас ляжете, а утречком на разъезде дедушка встретит, ему

и передашь Олюшку с рук на руки. Не проспите только! Минуты две всего на Лесном Кордоне стоянка!..

Выйдя на платформу, мама еще успела постоять немного у раскрытого вагонного окна и помахать рукой. И Оля помахала ладошкой, и тетя Лена. Мама улыбалась, но глаза у нее были влажные от слез. Она вытирала их платочком, зажатых в кулаке. А когда поезд тронулся, Оля, которой тоже вдруг захотелось заплакать, закричала сквозь шум:

— Мама! Мама! А дедушка за мной на Орлике придет?

— На Орлике, доченька, на Орлике!

Орлик — это большой и красивый конь, на котором Иван Еремеевич, Олин дедушка, объезжает свои лесные владения. Иван Еремеевич работает егерем. Он охраняет птиц и зверей, все живое в лесу. Оля видела Орлика только на фотографии. Дедушка сидит на коне верхом, за спиной у него ружье, а впереди бежит собака Цыган. Орлик не белый и не черный, а буланый.

— Мам, а буланый — это какой? — часто спрашивала Оля.

— Ну это такой, знаешь... Темно-серый вроде... Красивый, в общем... А вот сама увидишь, когда к дедушке приедешь...

Дедушку Оля помнит смутно. Или ей только кажется, что она его помнит. Ей было годика два, когда дедушка приезжал в Москву. Она тогда еще верила, что за дачей на болоте живет страшный бармалей, который посадит ее в мешок, если она не будет есть суп, черный хлеб и кашу. Тогда Оля все пушистое и меховое называла «сяся». Погладит мамин воротник или папину шапку и скажет:

— ...Сяся...

А когда приехал дедушка и взял внучку на руки, Оля вцепилась в его бороду и запела:

— Сяся! Сяся! Сяся!..

— Ах, ты милая моя Сяся! — прослезился дедушка. — Внученька моя дорогая...

С тех пор дедушка и стал в шутку называть Оленьку Сясей. В каждом письме, перечислив все новости, обязательно спрашивал: «А как там поживает моя славная Сяся, когда она придет ко мне?»

Каждое лето Оля собиралась в гости к дедушке, и каждое лето ей обещали поездку, но все что-то срывалось. То папу в дальнюю командировку ушли, то маму на работе не отпускают, то саму Олю с детским садиком в лагерь отправят...

— Ну уж на тот год обязательно поедешь, — говорил папа, успокаивая Олю. — Все меры приму...

Олин папа служит в милиции. Он капитан. А мама работает в научной библиотеке. У Оли два дедушки и две бабушки. Есть у нее и прабабка. Она живет в городе Костроме, на Волге. У дедушки и бабушки московских Оля бывает часто, звонит им вечерами по телефону. Ездил она и в Кострому к бабе Лиде, а вот у дедушки лесного так еще и не побывала...

Как-то в конце июня прибежала мама в детский садик в середине дня и сказала радостно:

— Ну, Оленька, одевайся! Завтра с тетей Леной поедешь к лесному дедушке. Тете Лене дали путевку на Балтийское море, и она захватит тебя с собой...

— А ты и папа?

— Мы приедем в августе. И портфель тебе привезем. Пойдешь с ним осенью в школу, в первый класс...

И вот Оля с чемоданом и с двумя сумками, в которых лежат городские гостинцы, сидит на вагонной полке и смотрит в окно. Постукивая колесами, поезд мчится в сторону Валдая, в сосновые леса, где живет дедушка, дедуна с бородой, Иван Еремеевич, дудух, дедок. Это Оля так ласково называет своего дедушку, перекладывая конверты и фотографии, присланные в Москву с хутора Рыжики. Мама и папа читают дедушкины письма всегда вслух. Сначала мама читает, потому что лесной дедушка ее папа. А потом Олин папа берет письмо. Они читают и смеются: уж очень забавно про всяких зверюшек дедушка пишет. Потом мама начинает вспоминать, как она жила в хуторе Рыжики, как поехала в Москву поступать в институт и нашла там папу...

— Это я тебя нашел, а не ты меня,— говорит папа.

— Нет, я! — возражает мама.

Они долго спорят, как маленькие, начинают кружиться по комнате и ловить друг друга, а Оля бегаёт за ними и заливается от смеха. Она очень любит эти дни, когда приходят от дедушки письма. Некоторые из них она знает наизусть и как живого представляет по этим письмам буланого Орлика, черного Цыгана, который сопровождает деда в лесу, лохматого Джека, охраняющего дом, корову Милку, злого гуся Тимофея, рябых куриц, кота Ваську и еще одного кота, Опухлика. В последнем письме дедушка сообщил, что у него живет на чердаке подраненная сова и лисенок с перебитой ногой, который спит в углу на кухне. У дедушки всегда, зимой и летом, живут какие-нибудь птички и звери, попавшие в беду. Он их находит в лесу и приносит домой, чтобы подлечить, а потом выпустить на волю.

Летит, несется поезд. Подперев щеки кулачками, задумалась Оля, замечталась, а за окном быстро мелькают телеграфные столбы, высокие деревья, коричневые домики путевых обходчиков. Тетя Лена уже расстелила постель, зовет ее спать, а ей и уходить от окна не хочется, так бы все глядела и глядела, пока не стемнеет...

Рано утром поезд приближался к разъезду Лесной Кордон. Оля уже умылась, выпила чаю, длинные ее льняные волосы были перевязаны голубой лентой. Как и вчера, из окна виднелись лишь одни сосны, штабеля бревен, кусты ольховника.

— А где же кордон? — спросила Оля, когда поезд совсем сбавил ход и они с тетей Леной вышли в тамбур.— Один лес да лес...

— А кордон, девочка, и есть лес,— засмеялась проводница.— Ты думала, тут, как в Москве...

Проводница открыла тяжелую дверь, тряпочкой обмахнула поручни и сошла вниз. А дедушки что-то не было. Оля испугалась, и губы ее искривились, готовые заплакать. Держась за тетю Лену, она шагнула на первую ступеньку и тут же увидела дедушку. Вытянув вперед руки и немного прихрамывая, он быстро подходил к вагону.

— Ах ты Сяся моя милая! — сказал дедушка растроганно и взял Олю в охапку.— Ой, как ты выросла! Совсем уже большая девочка...

Дедушкина борода щекотала Олино лицо, зеленая егерская его гимнастерка вкусно пахла дымом и свежим сеном.

— Дедуня, а где Орлик? — спросила Оля.

— Орлик? Ишь ты, умница какая, Орлика вспомнила. Стоит Орлик, ждет нас. Попрощайся с тетей, поблагодари ее да и потопаем помаленьку...

Орлик стоял у переезда, привязанный к сухой березке. Пока Иван Еремеевич укладывал в телегу чемодан и сумки с гостинцами, Оля подошла к лошади поближе и заглянула ей в глаза. Орлик раза три мотнул головой, как бы здороваясь с незнакомой девочкой, и издал губами шумный звук, испугав Олю.

— Не бойся, он ничего, смирный. Можешь и погладить его, если хочешь,— разрешил дедушка.— Погладь его да поедем. Через Гумницы придется кряк делать, это, считай, верст пять лишнего. На прошлой неделе такие дожди лили, что мостик через Окуневку, как щепку, унесло. Вот так-то. Кругом еще сыро, на лошадке только и проедешь к нам в Рыжики...

Иван Еремеевич усадил Олю в телегу на мягкую подстилку, взял вожжи, легонько пошевелил ими, и Орлик резво затрусил по узкой земляной дороге.

— Может, подремлешь, внученька? — спросил дед, расстелил полубок.— Или пирожка вот поешь. Бабка завернула для тебя кусок, а я и забыл, старый. С черникой пирог-то, свежий да сладкий...

— Я лучше на лес глядеть буду,— сказала Оля.— Мы с тетей Леной всю ночь спали в вагоне.

— Ну и ладно, коли спали. Но-о-о, Орлик, шевелись! Давай-ко, милоч, двигай живее!

Хутор Рыжики

В хуторе Рыжики пять домов. Раньше это была большая деревня, но в войну фашисты сожгли ее. Года два здесь валялись лишь одни головешки да грустно адели заросли иван-чая по краям пепелищ. Это место хотели уж было распахать под колхозное поле, но когда все ближние боры и урочища сделали государственным заказником,

а Ивана Еремеевича, как местного жителя, бывшего партизана и охотника, назначили старшим егерем, он решил возродить Рыжики и построил там первый дом. А потом и другие люди вернулись, и появился на месте деревни хутор, который чаще зовут не Рыжиками, а вот так:

— А, это то место, где Еремейч живет...

Оля увидела Рыжики с пригорка. Все дома, сараи и баньки растянулись по берегу озера, которому, кажется, не было конца. А с других сторон к хутору подступал лес. Когда телега скатилась на травянистую полянку, от крайнего дома выскочили две собаки и понеслись навстречу. Это были Цыган и Джек. Радостно повизгивая, они прыгали, обгоняли Орлика и снова возвращались к телеге.

— Ишь, как встречают! — сказал дедушка.

— А они не кусаются? — спросила Оля.

— Хороших людей собаки не кусают, милая. Стой, Орлик, приехали! Идем-ка, Олюшка, ссажу я тебя. Опля! Вот мы и дома!

Собаки принялись обнюхивать Олю, а Джек даже лизнул ее в ногу, вставал на задние лапы и лез целоваться.

— Да прогони ты их, окайных, утихомирь! Ведь испугают ребенка!

Это бабушка Варвара Андреевна, беспокоясь, кричала из дверей. Полная и кругленькая, она колобком скатилась с крыльца и пришла к себе Олю, начала причитать и приговаривать:

— Ах ты тютюленька моя болезная! Устала, поди-ка, да проголодалась! Идем-ка в избу-то скорее!

— Я вот тебе дам тютюленька,— засмеялся дед.— Пусть хоть разомнется девчонка, осмотрится...

Но бабушка и не думала подчиняться деду, захопотала и засуетилась, и Оля через пять минут уже сидела за столом перед кипящим медным самоваром, перед мисками с блинами и медом, с молоком и сметаной. Уже некуда было ничего и ставить, а бабка еще принесла зеленого лука, на перьях которого поблескивали капельки воды, и чугунок картошки, нарезала теплых домашних пышек.

— Ешь, Оленька, ешь,— приговаривала она.— Потом супчику налью...

В избу к Еремейчу потянулись соседи. Собралось почти все взрослое и детское население Рыжиков: лесник дядя Федя, пенсионер Аким Федотыч с деревянной ногой, бабка Настя с трехлетним внуком Сережей, девочка Наташа, которая уже перешла в четвертый класс, ее брат Костя, октябренок, пятилетний Лёник, сынишка дорожного мастера. Даже Джек, постояв для приличия немного в сенях, вошел в комнату и лег посреди пола, вытянув лапы. Бабушка всем отрезала пирога, налила чаю, а Оля раздала детям городские гостинцы.

— Вот что значит москвичка, по-культурному всех угостила,— похвалил Олю лесник дядя Федя.— Это сколько же, Еремеич, ей будет годков?

— А ты ее сам спроси.

— Мне седьмой год,— сказала Оля.— Я в школу скоро пойду. Я уже все буквы знаю и считать умею хоть до тыщи!

— И я умею считать! — подбежал к Оле Лёник.— До десяти умею! И дальше!

— А я знаю, как яблоко по-немецки называется,— сказал Костя.— Апфель, вот как!

— Аким Федотыч, еще чайку-то чашечку,— предложила бабушка.— Вот варенье крыжовенное!

— Наливай, Андреевна, выпью. Все у тебя, понимаешь, аппетитное, не хочешь, да поешь. Значит, московской внучке леса наши хотите показать? Дело полезное. А то ведь городские-то дети, поди-ка, ох как избалованные да изнеженные...

— Не совсем так, Аким,— сказал Иван Еремеевич.

— А что не так-то? Корову только по телевизору видят, не знают на чем малина растет, гриба живого не нюхали...

— Телевизоры во всех деревнях теперь есть, дело не в этом. А вот чтобы ребятишки знали, откуда хлеб берется,— это полезно, ты прав. Да и сами бы с малолетства умели кое-что делать — это тоже в жизни не помешает. Олю хотели в какой-то там детский санаторий отправить, а я им не посоветовал, две телеграммы отбил, чтобы сюда везли, и никаких...

— Правильно, Еремеич! — поддержал дядя Федя.— Внучка у вас вроде послушная...

— Это мы еще поглядим, какая она.— Иван Еремеевич метнул строгий взгляд в сторону бабушки и добавил: — Тютеленьки да пусёночки — с этим надо кончать!

— Так ведь жалко-о-о! — пропела бабка.— Кровиночку-то ненаглядную! Жалко-о-о!..

— Вот-вот, так и балуем. А потом, понимаешь ли, охаем...

Иван Еремеевич заглянул за самовар, где только что сидела Оля, и не увидел ее там. И других детей в избе не было. Лёник залез под стол и заманил туда Олю. Потом ребята потихоньку, один за другим вышли в сени, поиграли там немного и покатали на улицу.

— А где же Оленька-то? — встрепенулась бабка.— Матушки вы мои родные! Это что же делается? Не успела приехать, не евши, не пивши и на вот тебе — укатила! Надо искать!

— Да сиди ты! — сказал Иван Еремеевич.— Ну чего при гостях-то вислошилась?

Уговоры на бабку не подействовали. Сокрушенно охая, завязывая на ходу платок, она побегала за сарай, к берегу озера, где обычно играли хуторские дети.

Проделки Опухлика

Не прошло и недели, а Оля в Рыжиках уже была как своя. Все к ней привыкли, и она узнала всех. А с ребятами подружилась. Вместе с ними ходила купаться на песчаную отмель, играла у Наташи в палисаднике. Наташе Оля подарила скакалку, Лёнику — увеличительное стекло от сломанного папиного фотоаппарата, а Косте — красный карандаш, который называется фломастером. Сереже дарить было нечего. Да он и не просил ничего, потому что был еще маленький. Появились и у Оли деревенские игрушки: копилка из коровьего рога, камышовая свистулька и бумажный змей, сделанный Наташей еще в школе. Бегала она босиком, как и все дети, исцарапала руки и ноги в кустах шиповника, ужалила ее пчела, искусали комары, и бабушка, смазывая ссадины зеленкой, прикладывая к ним прохладные листики подорожника, чуть ли не плакала:

— Ай, ай! Мать-то бы с отцом на тебя, сердешную, поглядели! Надо так исхлестаться! Вот напишу в Москву-то письмо да все в нем и выложу...

Спала Оля на бабушкиной кровати в маленькой боковой комнате. Каждое утро ее будило солнышко, которое заглядывало прямо в окно. И каждое утро она видела кота Опухлика, лежащего на коврик у сундука. Опухлик жмурился от ярких лучей и блаженно мурлыкал.

— Бабушка, а почему он Опухлик? — спросила как-то Оля.

— Лентяй он. Спит и спит, аж опух ото сна, вот потому и Опухлик. Васька по всему хутору носится, мышей в сарае ловит, а этот лежебока...

После завтрака Оля кормит кур. Она видела, как это делает бабушка, и все запомнила. Совочком из мешка насыпала в чашку дробленое зерно, выходила к воротам и кричала:

— Цып! Цып! Цып!

Из-за поленницы дров, из лопухов и крапивы, от завалинки быстро сбегались рябые крупные курицы, и Оля горстью разбрасывала корм. Кур было восемнадцать, а петух один. Но зато каков красавец: гребень налит кровью, на лапах тшпоры, грудь колесом, важный такой, задиристый, как и гусь Тимофей. Тимофея во дворе не было. Он увел свое гусиное стадо на озеро. И коровы Милка не было и Орлика. Милка паслась на лугу за дорогой, а на Орлике дедушка уехал охранять заказник. Вчера вечером кто-то стрелял на островеке у залива, и дедушка, взяв ружье и отвязав Цыгана, тут же и ускакал ловить нарушителей.

— На всю ночь теперь пропадет, а то и на сутки, — вздохнула бабушка. — Хулиганья-то по лесам да рекам развелось нынче — удержи нет...

Пришел Леник, позвал Олю играть в учительницу и учеников. Учительницей была Наташа. Она всех детей усадила за стол в пали-

саднике, перед каждым положила листок бумаги, карандаш и стала давать задание. Костя, окончивший первый класс, должен был решить задачку, Лёник — нарисовать пегуха, Сережа — солнышко и дерево, а Оля — написать три слова: мама, дом и луна. И еще Оле предстояло прочитать вслух страничку из букваря.

— А можно, я лучше стихотворение расскажу? — поднял руку Лёник.

— В школе не разрешается делать чего хочешь, — строго сказала Наташа и постукала кулачком по столу. — Торопитесь, дети! Сейчас я буду выставлять вам отметки...

Отметки были у всех хорошие. Только Костя получил двойку. Увидя на своем листке эту страшную цифру, Костя заплакал:

— Мы такую задачку не проходили! Ты не умеешь учить! Завтра я сам буду учителем...

Заплакал и Сережа, потому что Лёник сломал у него карандаш. Тогда Наташа объявила перемену и предложила:

— Давайте рыбу ловить! А ну пошли все дружно!

— А я не умею ловить рыбу, — тихо сказала Оля.

— Это ничего, сейчас научишься. Вот Лёник тебе покажет. А ты, Сережа, будешь караулить наш улов.

На озере дети разошлись по разным местам. Наташа забралась на упавшую ветлу, Лёник встал рядом с камышами, а Костя с Олей ловили с деревянной лавы, где бабушка стирает белье. Оля сама, под присмотром Кости, надела на крючок червячка и забросила леску. Грузило утонуло, и поплавок замер на месте.

Первую рыбину вытащил Лёник, потом поймали по ершу Наташа с Костей, а у Оли ничего не было. Ей уже надоело держать длинное удилице, и она стала следить не за поплавком, а за стрекозами, которые красиво, как вертолетики, висели над тихой и чистой водой.

— У тебя же клюет! — закричал Костя, и Оля вздрогнула, чувствуя, как заколотилось в ее груди сердце, потащила на себя удилице, и на теплые доски лавы мягко шлепнулся крупный окунь. Оля схватила окуня и, не снимая с крючка, взяв удилице, что есть мочи побежала к дому, выкрикивая на ходу:

— Рыбина! Рыбина! Я поймала рыбину!

Растрепанная, радостная влетела она в избу, перепугав бабушку.

— Бабуня, бабуня, гляди! Это я поймала! Я сама поймала!

— Тютюленька, милая моя! — застонала бабушка. — Сама поймала!.. Ах ты моя умница! О крючок, гляди, не уколись! Дайкось я сниму. Ишь, какой окунице! Прямо генерал! Так и вырывается...

У бабушки ничего не получалось, и Оля сама принялась освобождать рыбину. Она не заметила, как Опухлик, разбуженный шумом, подкрался от сундука, подпрыгнул, схватил окуня и уволок его под кровать.

— Ай! — воскликнула Оля и залилась слезами. Она с силой дернула за леску. И на полу показалось свинцовое грузило, крючок,

а окуня не было. Оля заглянула под кровать и расплакалась еще больше: Опухлик, угрожающе урча, терзал окуня зубами и лапами.

— Дай сюда! Дай сюда! — потянулась Оля рукой. Но Опухлик, цапнув ее за пальцы, забился в самый угол. — Бабушка, он дерется! Он меня цапнул!

— Ах ты, разбойник бессовестный! — топнув ногой, заругалась бабка. — Вот тебе и тихоня, вот тебе и сонуля! Ну погоди ужо!

Она подняла Олю с пола и, увидя на ее руке кровь, принялась скорее искать лекарство, смазала Олины пальцы. А слезы у Оли так и лились, не переставая. Плакала она не от боли, ей жалко было своего окуня.

— Завтра еще поймаешь, лапушка ты моя сладкая, — успокаивала ее бабка.

— А я сейчас хочу ловить! И Лёник, и Наташа, и Костя, все они ловят, и я хочу!

Взяв удочку, Оля убежала на озеро. Ребята уже поджидали ее. Она встала на старое место, на лаве. Костя молча пододвинул ей босой ногой банку с червями: насаживай, мол, и забрасывай, да потише, на рыбалке разговаривать нельзя...

Клев был хороший. Оля поймала пять окуней и трех ершей. В ведерке с водой она принесла рыбу домой. И ерши и окуни были еще живые.

— Ах ты батюшки мои! — радостно всплеснула руками бабка, увидя Олин улов. — Вот мама-то бы поглядела! Сейчас уху будем варить...

Оля помогала мыть картошку, принесла с грядки укропу и морковь. Когда уха доваривалась, приехал дедушка. Оля выскочила на крыльцо и, торопясь, глотая слова, стала рассказывать, как Опухлик съел окуня, оцарапал ей палец и как потом она поймала еще пять окуней и трех ершей, из которых бабушка варит уху. Дедушка раза три подбросил Олю вверх, пощекотал ее своей колючей бородой и стал снимать в сенях сапоги. Потом они сели за стол, и бабушка налила уху. По комнате пошел такой вкусный запах, что дедушка, поспеиваясь, потер ладонью о ладонь и сказал:

— А ну-ка, попробуем Олину уху!..

Уха всем понравилась. А больше всего Оле. Она съела целую чашку. С черным хлебом и с луком.

А Опухлик, как ни в чем не бывало, лежал у сундука и мурлыкал, прикрыв свои хитрые сонные глаза.

Лосенок, иди сюда!

В середине июля установилась сильная жара. Над хутором Рыжики, над лесами висело бледно-голубое небо, и солнышко палило так, что озеро обмелело и за банями, где ребята целыми днями купались и загорали, вместо песчаной полоски образовалась широкая отмель,

похожая на пляж. Лохматый Джек, маясь от духоты, не находил себе места: и под крыльцом полежит, и у завалинки, и под телегой. Он даже ленился ходить с Олей к озеру, на вырубку за ягодами и к песчаному карьере, возле которого девочки построили «городок» — земляные улицы и площади с башней. Милку кусали оводы, и она стала меньше давать молока. Бабушка при вечерней дойке тяжело вздыхала, поглядывая на багровый закат:

— И откуда только свалилась жарница такая? Кажись, никогда еще не было... Спалит хлеба-то, ей-богу, спалит...

— Теперь уж не спалит, — говорил дед, раскуривая трубочку. — Зерно налилось, колос крепок. Бригадира из Веселок вчера встретил у плотины, овсы и рожь они хорошими ожидают...

Подойв Милку, бабушка через чистую марлю разливала молоко по глиняным кувшинам, или, как она их называла, кубанам, а уж из одного из кубанов наполняла голубую кружку и протягивала ее Оле:

— Попей, касаточка! Попей, тютюленька моя милая! В Москве-то у вас нешто молоко...

Оля пила с удовольствием, придерживая кружку обеими руками. И в это время Опухлик, который даже в полдень не выглядывал на улицу, бесшумно скатывался с приступков крыльца и начинал, притворно маякая, тереться об Олины ноги.

— Ишь ты какой! — отталкивала его Оля. — Зачем у меня окуня съел? Сам виноват, а просишь?..

Но кот как бы и не слышал справедливых упреков, и Оля жалела его, отливала из своей кружки в маленькую мисочку для Опухлика...

Шел уже одиннадцатый час, а западный край неба все еще алел над бором и было так светло, что хоть книгу читай. К дому Ивана Еремеевича в эту пору, управившись с делами, собирались все хуторские жители. И дети сидели рядом. Только трехлетнего Сережу бабка Настя уводила спать. Говорили о работе, об урожаях, о лесных пожарах, которые уже кое-где возникали, о сельской передвижной лавке-магазине, которая давно не бывала в Рыжиках, о том, что пишут в газетах и передают по телевизору. После обеда раза два прилетал ястреб и садился на сухую высокую ель, высматривая цыплят. Лесник дядя Федя стрелял в ястреба из ружья, и сейчас, когда вспомнили это, Иван Еремеевич отругал дядю Федю: в лесу вредных птиц нет, все птицы полезные...

Все эти житейские разговоры Оля хорошо понимала. Она уже с дедушкой и в поле ездила, где хлеб растет, и к пастухам на займище, и на сенокос, и в деревню Выселки, откуда Иван Еремеевич звонил по телефону в район. Вот только лосей дедушка не показывает. Сам часто видит, когда сено для них на зиму заготавливает, а Олю с собой в дальний лес не берет, говорит, что лоси уплыли на другую сторону озера Долгого, и как только вернуться обратно, так они туда и поедут. И Оля каждый день спрашивала:

— Дедуня, а лоси еще не приплыли?

И вот как-то Иван Еремеевич, распрягая Орлика, подозвал Олю, которая поливала с бабкой огурцы, и сказал, что утром они поедут к реке Серебрянке, где лосей побольше, чем у озера Долгого.

— Я вот вам поеду!— услышав разговор, выскочила из огорода бабушка. — Ишь чего надумал, старый телепень! Тащиться к черту на кулички! Замучить хочешь ребенка, да? Она вон и так, тютюленька моя милая, вся исхудала да почернела!

Оля бросила ведерко, в котором носила воду, и принялась плакать. И бабушка поутихла, смягчилась, а утром, когда Оля по просьбе деда отвязала с проволоки Цыгана и села в телегу, укрыла ее верблюжьим пушистым одеялом, вместо сандалий надела на ее ноги резиновые сапожки и все приговаривала, охая:

— Глади, чтобы змея не ужалила. И в кусты-то не лазь, крапива кругом да колючки. О господи, царица небесная, дома-то им не сидится...

Наташа, Костя, Лёник и Сережа провожали телегу до поворота на большую дорогу, по которой ходили машины и автобусы из райцентра.

— Подумаешь, лоси,— сказал Костя,— я их сколько раз видел!

— Надо говорить не сколько разов, а сколько раз,— поправила его Наташа.

— А я волка видел и лису,— похвастал Лёник.— Вот Сережа скажет...

Но Сережа только удивленно хлопал глазами и молчал, капризно надув губы. Впереди что-то показалось, туда бросился с грозным лаем Цыган, и Орлик, дернув телегу, затрусил привычной рысцой...

Сначала ехали по пыльной обочине, потом дедушка свернул в густой и темный ельник. И сразу стало прохладнее. Солнце совсем скрылось. И только на небольших полянках показывалось оно, освещая разные цветы и травы. Сколько тут было цветов! И летали над ними бабочки и пчелы. Многих бабочек Оля знала. Она ловила их сачком у себя под Москвой на даче. Вон лимонница, а это павлиный глаз, а над кустами темно-бархатистый адмирал и махаон.

— Дедуня, а где птички?— прислушиваясь к лесной тишине, спросила Оля.

— Птички сейчас притихли, им некогда петь, они птенчиков кормят. Только зяблик иногда пискнет, галочка или синичка. И звери и птички в июле самым важным делом заняты...

— А грибы где?

— Грибы скоро пойдут. Вот дождичек брызнет...

Дорога привела в низину, заросшую осинником. Пахло сыростью, запахло болотом и черной смородиной. Дедушка сказал, что там, у запруды, живут бобры. Оля уже знала про здешних бобров. Раньше их тут не было. Это дедушка привез несколько пар из

Белоруссии и развел их здесь целую тысячу, за что получил красивую грамоту, которая висит у него на стене рядом с лосиными рогами...

Вскоре выехали на полянку, где стояли четыре стожка сена. Это были не такие большие стога, какие дедушка накопил и поставил возле сарая для коровы Милки. Эти стога были поменьше. Зимой, когда выпадет снег и лосям не будет хватать корма, дедушка даст им сена.

— Теперь пешечком пройдемся, — сказал дедушка. — А Орлик тут подождет...

— А Цыган? — спросила Оля, слезая с телеги.

— И Цыган с нами. Без Цыгана нельзя...

Шли они недолго. Лес в этом месте был не так уж высок, но густой: молодые березняки, осинник, заросли ольхи по долинкам, рябины и черемухи. Цыган то и дело возбужденно рвался куда-то в сторону, но дедушка сердито цыкнул на него:

— Я и без тебя знаю, что лоси рядом!

Когда из-за кустов блеснула излучина реки, дедушка велел присесть на траву и ждать. Он достал из зеленой сумки крупный морской бинокль и долго смотрел в него. Оля тоже стала глядеть в сторону реки, но ничего, кроме луговины да леса, вдали не видела.

— Скоро придут, — сказал дедушка и, сложив рупором ладони, закричал: — Васька! Васька! Васька!

Эхо глухо прокатилось по ближним соснякам и замерло. Цыган нетерпеливо покусывал и бил хвостом, вопросительно поглядывая то на Олю, то на Ивана Еремеевича. Прошло минуты три. Дедушка еще раз позвал Ваську. И вот слева послышался топот. Он был совсем рядом. Оля замерла и пугливо прижалась к дедушке. Она хотела что-то сказать, но тут же увидела двух лосей и лосенка, выскочивших из-за пригорка. У крупного темно-бурого лося на голове возвышались красивые рога. А лосенок был еще совсем мал, но шустрый, смелый, он так и крутился возле лосихи.

— Пришли, милые, пришли, — сказал дедушка и, протянув кусок хлеба, густо посыпанный солью, шагнул лосям навстречу. Крупный лось смело подошел к егерю, взял хлеб из его руки и снова отступил к лосихе.

— Оля, иди поближе, не бойся, — сказал дедушка. — Этот лось меня уже три года знает. Я его Васькой прозвал...

Оля вообще-то зверей не боялась. Она много раз бывала с папой в зоопарке да и играла только с деревянными да надувными зверушками. Когда ей было три или четыре годика, она подходила в зоопарке к решетке и серьезно, веря, что ее поймут, звала зверей к себе: «Олень, иди сюда! Волк, иди сюда!» И сейчас в эти секунды в ее возбужденном сердчишке проснулось, видимо, то недавнее воспоминание, и она, позабыв о своей робости, закричала радостно, протягивая руки:

— Лосенок, иди сюда! Лосенок, иди сюда!

Завирушка

Лесник дядя Федя попросил у дедушки Орлика, чтобы привезти дров для своей семьи, для старика Акима Федотыча и для бабки Насти. Дедушка отдал Орлика, а сам эти дни ходил по лесу пешком. Ходил он медленно, прихрамывая, потому что в левой ноге у него сидит осколок от немецкой гранаты.

Однажды дедушка принес полную фуражку малины. Оля увидела его на тропке за колодцем и побежала навстречу. Во второй руке дедушка тоже что-то нес, завернутое в носовом платке.

— Что там у тебя, дедуня?

— А это лесная завирушка. Птичка такая. Кто-то ей ножку повредил, и вот она, бедная, запуталась в вереске и взлетать не может. Лиса бы ее быстро подобрала...

— Как того зайчика, который побелел?

На днях дедушка рассказал о зайцах, которые с приходом зимы побелели, сменив свою шерсть, а снег вдруг взял да весь и растаял, и зайчишкам трудно стало прятаться — на черной земле они издалека были видны. И волки их ловили, и лисы, и хулиганы-браконьеры стреляли в упор. Оля тогда расплакалась, выслушав этот рассказ. Жалко ей стало зайчишек. И сейчас она, когда дедушка развязал платок, готова была пустить слезы: уж очень печально выглядела сжавшаяся в комочек серенькая завирушка, похожая на обыкновенного воробья.

— Мы ее подлечим, — сказал дедушка. — Ножку ей забинтуем. А ты малинки-то, Оленька, на-ко попробуй. Ой, сладка, ой, вкусна!

Но Оля малину есть не стала. Она не отходила от дедушки, когда он доставал лекарство, прикладывал к раненой ножке завирушки обструганную спичку и заматывал марлей. Завирушку посадили в клетку, и она спокойно уселась на жердочке, как будто тут всегда и жила...

Время было обеденное, и бабушка уже разливала суп, но Оля, прежде чем сесть за стол, сбегала к Наташе и Косте, к Лёнику и Сереже и, проглатывая от нетерпения и торопливости слова, рассказала, что дедушка спас завирушку, маленькую такую пичужечку, у которой ножка перебита, и что завирушка питается всякими насекомыми и семенами от травок...

С этого дня ребята стали добывать для завирушки еду, и Оля сама кормила птичку, меняла в баночке воду. Опухлик все поглядывал на клетку, даже на подоконник залезал, но дедушка так стеганул его ремнем, что любопытный кот снова убрался за сундук и присмирел там. Завирушка вскоре повеселела, привыкла к Оле, по утрам бойко прыгала по дощечкам, ожидая корма.

— Мы скоро ей ножку-то разбинтуем, — сказал дедушка, поглядывая на птицу. — И полетит она в свою чащу тенистую, подружек своих найдет...

— А потом в жаркие страны? — спросила Оля.

— Потом в жаркие страны. Немного уж осталось... Август вон на дворе. Погода-то как бы не изменилась. Чую, что изменится... Нога-то, Оленька, третий день у меня так и ноет, так и ноет. Да и в поясище постерливает. К несчастью это. Задождит, поди, закапает...

— Дал-то бы бог, — вздохнула бабушка. — Сухмень какая стоит. Земляники в это лето совсем не было. Черную смородину червь источил. Две баночки только и перетерла с сахаром для тютюленьки на зиму...

— Опять тютюленька? Она вон здесь букварь совсем позабросила. А скоро в школу.

— Эка беда! Раньше-то, бывало, об эту пору ни одной буковки не знали, с восьми годов, чай, к ученью-то приступали, а Оленька у нас уж читает, и пишет, и рисует хорошо. А ей только шесть годочков и десять месяцев...

— Ну-ну, не очень у меня тут ребенка балуй, — мирнолюбово ворчал дед, растирая больную ногу...

Предсказания дедушки насчет погоды сбылись. На второй день с утра небо нахмурилось, от озера потянуло свежим ветерком, куры спрятались в сарай. Где-то за лесами угрожающе и глухо загудело, словно бы сваливали бревна с телеги, и тут же, в другой только стороне, ярко полоснула молния. Пошел крупный и теплый дождь.

— Грибной это, самый что ни на есть грибной, — сказала бабка и стала пододвигать кадушку к железному желобу, по которому с крыши лилась дождевая вода. — Оно хорошо, пускай помочит, земляка-то иссохлась вся. Вот только опять дедушки нашего нет. Завсегда он в самую непогодь по лесам своим шастает, помоги ему, господи...

Ливень вскоре поутих. И через хутор Рыжики, через все ближние и дальние леса перекинулась разноцветная широкая радуга. Оля увидела из окна, как Наташа, Леник и Костя бегают босыми ногами по лужам. Она тут же в одном сарафанчике выскочила к ним и тоже стала носиться по тепловатой мягкой воде, брызгаясь и припевая вслед за ними:

Дождик, дождик, припусти,
Я большой буду расти!

А утром Оля проснулась от вкусных запахов. Это бабушка жарила маслята. А дед сидел у раскрытого окна и покуривал свою трубочку. Он ночевал на Окуневском кордоне, ночью отобрал ружья у браконьеров, которые в плохую погоду всегда на озера лезут, составил два акта, а на обратном пути набрал грибов.

— Дедуня, а когда грибы выросли? — спросила Оля, расчесывая свои пышные белокурые волосы.

— А вот за ночь и выросли.

— Так быстро?

— Им дождичек помог. Дождичек всему расти помогает.

— А перо удода ты мне принес?

— Удод покуда не встретил, милая. Может, еще и попадется мне удод на болоте...

Еще в Москве в прошлом году Оля стала собирать птичьи перья, которых накопилась у ней целая коробка. По цветным картинкам в книжках она знала десятки птиц, даже самых редких. Да и дедушка многих птичек показал ей в лесу и перья от них принес. И от совы нашел он перья, от филина, от нарядной ронжи, от селезня, от глухаря, от чибиса, а от удода еще не было перышка...

— Вот за грибами пойдем, может, и обронит где перышко удод, поищем, — пообещал дедушка.

За грибами ходили по три раза на день. Они росли прямо у бани: подберезовики, подосиновики, боровики, сыроежки. А маслята целыми выводками выступили даже на тропке, у дорожного кювета, под каждой сосной и елью. Маленькие и скользкие, они не давались в руки, и Оля срезала их ножичком, как ее бабушка научила. По полной корзинке Оля грибов приносила, не отставала ни от Наташи, ни от Кости, ни от Лёника. И Сережа увязывался за ними с железным ведром...

— Одни белые, Оленька, ищи теперь, — велела бабка. — Энтих уж хватит, вон сколько засушили да насолили. Мама твоя белые грибы любит. Зимой как сварите супчик из белых-то, так от одного духа соседи к вам сбегутся...

Пособирали немножко и малины. Но уж очень мелка она была нынче, суховата. Только дедушка знал богатые места на порубях, но это далеко было, Олю туда не брали. Да и за птичкой надо было Оле ухаживать, завирушка совсем окрепла, съедала всех мошек и комаров, что ей приносили. Дедушка уже разбинтовал птице ножку, и завирушка скакала по всей клетке, острым клювом долбила по решетке и весело поглядывала на Олю своими черными глазками...

Мамина черточка

В субботу бабушка топила баню. Оля уже раза два мылась в здешней деревенской бане, и ей очень понравилось: можно обливаться из деревянной шайки, бегать по полу, забираться на полоч, где так жарко, что трудно дышать.

Перед мытьем Оле укоротили ножницами волосы и подрезали челку, которая уже глаза стала закрывать. Бабушка напекла пирогов с черникой, с луком, с яйцами и еще с грибами, поставила самовар, и они сели пить чай. Зашли лесник дядя Федя и старик Аким Федотыч. Дедушка был немножко сердит, то и дело шипал свою бороду и говорил, что подаст в суд на агронома Сенькина из «Зари», который без охраны оставил у вспаханного клеверища бурты с ядовитыми удобрениями, и вчера отравились два лося, молодая лисица и несколько зайцев...

— Они тут в районе совсем распоясались,— сказал Аким Федотыч.— Ты, Еремеич, как человек партийный, в центр депешу отбей. Так, мол, и так, зверье и птицу зазря обижают...

В кухонное окошко кто-то постучал. Это был почтальон Митька Шубин, восьмиклассник. Летом он помогал своей матери разносить почту и сейчас привез на велосипеде из Выселок телеграмму.

— Ну вот, а мне все голуби снились,— завздыхала бабушка.— К восточке это, к гостям...

В телеграмме сообщалось, что мама за Олей придет одна, потому что папа улетел в командировку в город Оренбург. Бабушка надела очки и перечитывала телеграмму много раз, словно бы выискивая в ней что-то такое, что не было там написано. И дедушка взял телеграмму и сразу как-то погрузнел, погладил Олю по голове, стал набивать табаком свою трубочку...

Приехала мама в воскресенье и пробыла в Рыжиках всего два дня. Она привезла Оле ранец и книжки. Оля надела ранец за спину и стала ходить по комнате, а бабушка смотрела на нее и вытирала фартуком глаза.

— Уезжает моя милая тютюленька,— всхлипывала бабка.— Когда я теперь тебя увижу, мою сладкую...

— Ты опять за свое! — прикрикнул на нее дед.— На следующее лето опять придет. А птичку, Оленька, может, с собой заберешь? Вон она как к тебе привыкла...

— Мне ее жалко, дедуня. Она в клеточке все бьется и бьется. Она в лес просится...

— Вот и хорошо! Умница ты моя славная...

Завирушку отпустили на берегу озера, у бабушкиной лавы. И Наташа пришла, и Костя, и Лёник, и Сережа, и Олина мама. Оля поставила клетку на траву, открыла дверцу, и завирушка, недоверчиво посмотрев на детей, вышла сначала на дощечку, постояла несколько секунд и, вдруг резко подпрыгнув, быстро полетела над водой и скрылась за старой черемухой...

Эти последние два дня пролетели незаметно. Мама то была весела, то грустила, заглядывая во все уголки дома, перебирая разные старые вещи. На кухне, у дверного косяка, мама увидела вырезанную ножом метку и подошла к ней. Метка доходила ей до пояса.

— А ну-ка ты, Оля, встань сюда,— попросила мама.

Метка была чуть ниже Олиной головы.

— Вот оно как! — сказала радостно мама.— А это ведь моя метка-то, мне тогда восемь лет было, когда ее твой дедушка вырезал. Значит, ты выше меня выросла, вон на сколько выше!

Утром из Выселок пришла большая колхозная машина. Мама и Оля сели в кабину. Четыре корзины с грибами и ягодами поставили в кузов. Лёник, Наташа, Костя и Сережа забралась на подножки и висли там до тех пор, пока шофер их не прогнал. Бабушка, вытирая слезы, наказывала, чтобы тютюленьку в поезде к дверям и окнам не

подпускали. А дедушка весело подмигивал Оле и улыбался, теребя бороду. Перо для Оли он нашел. Только не от удода, а от козодоя. Перо удода обещал прислать в посылке с лесными орехами, которых он каждое лето набирает по два мешка...

Шофер завел мотор, посигналил, и машина тронулась. Бабушка, дед и ребята замахали руками. А Джек и Цыган еще долго бежали за грузовиком и звонко лаяли, провожая Олю.

* * *

Посылка с хутора Рыжики пришла перед Октябрьским праздником. Оля делала уроки, когда мама внесла фанерный ящик, обвязанный веревочкой.

— Мам, это от дедушки? — подскочила Оля.

— От него. Вон видишь обратный адрес!

— Ой, разрывай поскорее!

Мама ножницами разрезала веревку, сколупнула сургучную печать и открыла ящик. Чего там только не было! Две связочки белых грибов, орехи, сухая лесная малина, мед, подвяленная рыба. А на самом дне ящика лежала длинная коробочка.

— Это тебе, — сказала мама. — Что-то легкая коробочка-то, пустая, видно.

— И ничего не пустая! — испугалась Оля. — Там перо удода. Ведь дедушка обещал прислать!

Оля торопливо открыла коробочку и увидела долгожданное перо. Оно лежало сверху, а под ним виднелась бумажка. Это была записка от дедушки. Он сообщал, что нашел перо за озером, на болоте, где удоды вьют гнезда. «Вот приедешь, Оленька, на следующее лето и сама увидишь это гнездышко», — писал дед. А сбоку листочка была приписка бабушкиной рукой: «Если тютюленька простынет, то заваривайте ей малину».

Мама стала еще раз перечитывать записку, а Оля взяла перо и ушла в свою комнату. Перо было широкое и красивое, отливало тремя красками. Оля нежно гладила его пальчиком, и ей казалось, что перо живое...

Она и в постели не расставалась с этим пером. Засыпая, видела удода, который летал над хутором кругами и пел свои песенки. А Оля протягивала к нему руки и кричала радостно:

— Удод, иди сюда!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Первые версты Сибири	3
Сельский доктор	9
Мартовские веснушки	14
Бредень в мелкую ячейку	20
Арзамасский лук	26
Княгиня	31
В гостях у кумыков	35
Всегда было Красным.	42
Перо удода	47

Юрий Тарасович ГРИБОВ БРЕДЕНЬ В МЕЛКУЮ ЯЧЕЙКУ

Редактор Д. К. Иванов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 11.05.84. Подписано к печати 12.07.84. А 00388.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,18.
Тираж 92 000. Изд. № 1969. Зак. № 2767. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Папы и мамы, бабушки и дедушки, другие близкие родственники ребенка могут заключить договоры страхования детей. Обусловленная договором страховая сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке по окончании срока страхования — при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

● Застраховать ребенка можно со дня его рождения. К моменту оформления договора страхования возраст ребенка не должен превышать 15 лет 6 месяцев.

● Размер страховой суммы устанавливается по согласованию между страхователем и инспекцией Госстраха (минимальная сумма — 300 рублей). Размеры взносов зависят от страховой суммы, возраста ребенка и продолжительности их уплаты. Страховые взносы можно уплатить единовременно за весь срок страхования — в этом случае расчеты осуществляются по льготному для страхователя тарифу.

● В пользу одного ребенка можно заключить несколько договоров страхования.

Уважаемые товарищи!

● Для получения подробных справок о страховании детей и оформления договора страхования обратитесь, пожалуйста, к страховому агенту, обслуживающему Вас по месту работы или жительства, или в инспекцию Госстраха.

Госстрах РСФСР